

с т е п а н с у з д а л ь ц е в

Угрюмое гостѣприимство Петербурга.

{ РО М А Н }

для тех,
кто умеет
читать

о Гордости,

о Чѣсти,

о Любви.

Для тех, кто умеет читать

Степан Суздальцев

**Угрюмое гостеприимство
Петербурга**

«Центрполиграф»

2013

Суздальцев С. А.

Угрюмое гостеприимство Петербурга / С. А. Суздальцев —
«Центрполиграф», 2013 — (Для тех, кто умеет читать)

В романе показан столичный свет 1837 года. Многочисленные реальные персонажи столь тесно соседствуют там с вымышленными героями, а исторические факты так сильно связаны с творческими фантазиями автора, что у читателя создается впечатление, будто он и сам является героем повествования, с головой окунаясь в николаевскую эпоху, где звон бокалов с искрящимся шампанским сменяется звоном клинков, где за вечерними колкостями следуют рассветные дуэли, где незаконнорожденные дети состоят в родстве с правящей династией. Это безумный и прекрасный мир, полный интриг, влюбленностей и приключений. Мир, которым правят Гордость, Честь, Любовь.

© Суздальцев С. А., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Вступление	5
Действующие лица	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Степан Суздальцев

Угрюмое гостеприимство Петербурга

О Гордости, о Чести, о Любви

*Светлой памяти моей бабушки Н.Н. Смолиной,
которая меня воспитала и привила мне
понятия чести и достоинства*

Светлому будущему Елизаветы, моей Музы, ради которой я пишу

Вступление

*Друзья мои, настало время прозы!
Роман о Гордости, о Чести, о Любви
С улыбкою прочтете скоро вы,
Смахнув рукой нагрянувшие слезы.*

Я пишу данные строки в ночь на 26 июля 2009 года, находясь в трезвой памяти и здравом уме, хотя в последнем я не совсем уверен, так как история, которая последует далее, не может быть названа сколько-нибудь реальной, ведь ей не довелось приключиться, однако ее нельзя назвать и вымышленной, поскольку я ее не придумывал.

Сидя в гостиной своего дома, я великое множество раз покидал эту реальность, перемещаясь в Санкт-Петербург XIX столетия, где становился безмолвным свидетелем событий, о коих речь пойдет ниже.

Все, что я опишу, произошло у меня на глазах. Я великое множество раз возвращался туда и наблюдал за происходящим снова и снова, подмечая ранее не замеченные детали, которые имели место с самого начала.

И потому историю эту я не могу характеризовать иначе, как плод моего разыгравшегося, словно дитя, больного, хоть и богатого воображения.

Но довольно слов, уважаемый Читатель, я приглашаю вас в мой сказочный мир, полный фантазий и неожиданностей, интриг и кипящих страстей в сердцах тех людей, чьи лица выражают неколебимое спокойствие и уверенность; мир, которым правят честь и предрассудки, где пышные балы и блестящий паркет сменяются рассветными дуэлями у векового дуба, а звон бокалов с искрящимся шампанским заглушается звоном клинков и ржанием лошадей, где благородные рыцари целуют руку прекрасной дамы, а после проливают за нее кровь, где за улыбкою и обходительностью скрыты ненависть и презрение, а ледяное спокойствие выцветших глаз укрывает трепещущее сердце; я зову вас в мир Петербурга XIX столетия!

За мной, мой дорогой Читатель, туда, где я поведаю вам историю

*о Гордости,
о Чести,
о Любви.*

Действующие лица

Граф Воронцов Григорий Дмитриевич, ныне покойный. Участник декабрьского восстания. Умер в ссылке.

Граф Воронцов Дмитрий Григорьевич, его сын, повеса двадцати лет. Воспитан дядей.

Граф Воронцов Владимир Дмитриевич, в отставке кавалерии генерал-майор. Герой войны 1812 года. Старший брат Григория. Дядя Дмитрия.

Графиня Воронцова Елена Семеновна, супруга Владимира Дмитриевича.

Князь Ланевский Михаил Васильевич, кузен графини Воронцовой.

Княжна Ланевская Мария Михайловна, его старшая дочь.

Княжна Ланевская Софья Михайловна, его младшая дочь.

Княгиня Ланевская Анна Юрьевна, мать Марии и Софьи, супруга Михаила Васильевича.

Князь Демидов Александр Юрьевич, брат Анны Юрьевны. Лучший друг Владимира Дмитриевича.

Княжна Демидова Анастасия Александровна, его дочь.

Madame Leris, гувернантка Анастасии.

Княгиня Марья Алексеевна Ланская, тетка князя Демидова и княгини Ланевской.

Курбатов Борис Иванович, поручик Павлоградского гусарского полка. После ссылки отца воспитывался в доме Демидова.

Курбатов Иван Васильевич, ныне покойный. Отец Бориса. Друг Демидова. Участник декабрьского восстания. Умер в ссылке.

Болдинский Константин Васильевич, дворянин. Друг Дмитрия. Влюблен в Софью.

Болдинский Николай Васильевич, старший брат Константина.

Болдинская Елизавета Андреевна, жена Николая Болдинского.

Князь Суздальский Андрей Петрович, в отставке министр иностранных дел.

Князь Суздальский Петр Андреевич, его сын. Коллежский асессор. С детства помолвлен с Марией Ланевской.

Балашов Роман Александрович, лучший друг Петра Андреевича.

Балашов Александр Дмитриевич, ныне покойный. Генерал-адъютант. Герой войны 1812 года. Отец Романа. Друг Андрея Петровича Суздальского.

Император Николай I.

Граф Александр Христофорович, начальник Третьего отделения Тайной полиции.

Нелидова Варвара Аркадьевна, фрейлина императрицы.

Князь Шаховской Иван Леонтьевич, генерал от инфантерии. Герой войны 1812 года. Друг Андрея Петровича Суздальского.

Князь Шаховской Алексей Иванович, корнет. Сын Ивана Леонтьевича.

Турчанинов Павел Петрович, генерал-лейтенант. Герой войны 1812 года. Друг Ивана Леонтьевича Шаховского и Андрея Петровича Суздальского.

Турчанинов Аркадий Павлович, сын Павла Петровича Турчанинова. Полковник. Товарищ Петра Андреевича Суздальского.

Шульц Генрих Карлович, политик, служит в Министерстве финансов.

Князь Голицын Сергей Михайлович, московский дворянин.

Витовский Осип Петрович, лейб-гвардии полковник. Командир Павлоградского гусарского полка.

Сумароков Семен Кириллович, полковник Третьего отделения Тайной полиции.

Полковник Встовский, в подчинении у Шаховского.

Лорд Уолтер Джон Редсворд, герцог Глостер.

Леди Редсворд, его супруга, герцогиня Глостер.

Маркиз Ричард Уолтер Редсворд, их сын, повеса двадцати двух лет.

Отец Кирилл, священник.

Аркадий, слуга у Воронцовых.

Гаврила, слуга у Демидовых.

Валентин, дворецкий у Суздальских.

Лука, лакей у Суздальских.

Порфирий, дворецкий у Ланевских.

Людмила, горничная у Ланевских.

Шульц Герман Модестович, еврей. Друг Петра Андреевича.

Шульц Берта Модестовна, его сестра.

Шульц Сара Абрамовна, их мать.

Часть первая

Глава 1

Прибытие в столицу

*Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.*

А.С. Пушкин

Угрюмый и мрачный, холодный и гостеприимный, град ветров и дождей, оплот моряков и художников, родина поэтов и императоров, город величественный и статный – таким предстал Санкт-Петербург перед молодым маркизом Ричардом Редсвордом.

Парижское лето 1837 года принесло ему знакомство с двадцатилетним повесой Дмитрием Григорьевичем Воронцовым, единственным наследником несметного состояния его дяди, графа Владимира Дмитриевича Воронцова.

Два молодых человека обнаружили свое парижское знакомство особенно приятным, во-первых, потому, что оба терпеть не могли Францию и все французское, а во-вторых, потому, что Дмитрий, хоть и владел в совершенстве диалектом Вольтера, предпочитал изъясняться на языке Уолтера Скотта, тогда как Ричард, чей отец в свое время был британским послом в России (и мать тоже знала русский язык), предпочитал Жуковского и Пушкина творчеству грацирующих поэтов.

Когда пребывание в «столице пошлости» сделалось для обоих джентльменов невыносимым, а случилось это в августе, они сделали то, что делает всякий молодой человек, нашедший себе лучшего друга, а именно – пригласили в гости один другого.

Поскольку Ричард лишь недавно покинул свой родной остров, тогда как Дмитрий обещал дяде вернуться домой к сентябрю, решено было поехать в Санкт-Петербург.

Карета, в которой молодые люди совершали путешествие, выехала на Невский проспект и помчалась с востока на запад – по направлению к Малой Морской улице, где жил граф Воронцов. В окнах кареты мелькали постоянные дворы, витрины магазинов и парадные клубов, господа в легких плащах нараспашку и с зонтами, шедшие по тротуарам, и хмурое небо над городом – все это напоминало Ричарду родную его сердцу Пикадилли.

– Останови, останови карету, – попросил Ричард.

– Стой! – скомандовал Дмитрий извозчику.

Ричард вышел на мостовую и огляделся: да, было в Невском проспекте что-то от Пикадилли, но солнце, раскаленное вечернее солнце, нанизанное на устремленную к небесам адмиралтейскую иглу, придавало столице России облик града царей, великой колыбели Европы.

Редсворд заворуженно смотрел на запад, забыв обо всем на свете, и затаив дыхание наблюдал, как солнце, которое никогда не заходит над Британской империей, покорно кланяется Невскому проспекту. Ричард, забывший, как уже было сказано, обо всем, забыл также и о весьма полезном для человека свойстве – привычке дышать. Как следствие, он почувствовал нехватку воздуха и жадно вдохнул аромат Петербурга, который сильно отдавал французскими духами. Но запах этих духов, хоть они и были французскими, показался молодому джентльмену очаровательным, в чем не было ничего удивительного, ведь исходил он от девушки – нет: ангела, богини! Что была Афродита в сравнении с этим небесным созданием, венцом Творенья, Совершенством!

– Beauty!¹ – вырвалось невольно у Ричарда.

Барышня смущенно посмотрела на него, снисходительно улыбнулась и скрылась за дверью какого-то магазина.

Молодой маркиз смутился, покраснел, почувствовал себя ослом и вернулся в карету.

– Ну что, beauty, поехали домой? – спросил Дмитрий.

Ричард кивнул, пытаясь перевести дух.

– Трогай! – скомандовал Воронцов извозчику.

Молодые люди поднялись на крыльцо и постучали в двойные дубовые двери, которые отворил Аркадий, презанятный старик в темно-синей ливрее екатерининской поры. Он провел обоих джентльменов по белой мраморной лестнице в гостиную, где в креслах сидели два уже немолодых господина и развлекали себя разговорами о политике и игрой в шахматы.

Один был граф Владимир Дмитриевич Воронцов. Несмотря на преклонный возраст, это был сильный мужчина, коренастый, с широкими скулами, дородным носом и массивным лбом, на который падали темные, с проседью волосы. Когда граф увидел двоих молодых людей, он принял вид задумчивый и слегка удивленный, но вид этот быстро сменился ласковой улыбкой, выплывшей из-под пышных его усов.

Встав с кресла, Владимир Дмитриевич обнял племянника, а затем повернулся к Ричарду.

– Дядя, это мой друг маркиз Ричард Уолтер Редсворд. Рик, это мой дядя, граф Владимир Дмитриевич Воронцов.

Граф улыбнулся и протянул гостю крепкую руку, которая немедленно получила крепкое пожатие.

– It is a great pleasure for me to meet thee, lord Redsword², – произнес Воронцов.

– Взаимно, Владимир Дмитриевич, – ответил Ричард. – Я неплохо говорю на русском, очень люблю этот язык, и вы окажете мне огромную честь, если будете говорить на родном языке.

– Но законы гостеприимства обязывают меня вести диалог на английском...

– В таком случае вы не откажете гостю в маленьком капризе?

Граф Воронцов выразил согласие и представил своего собеседника:

– Князь Ланевский Михаил Васильевич, мой друг.

Князь Ланевский был улыбчив и необычайно привлекателен.

Ричард протянул Михаилу Васильевичу руку, и тот очень сдержанно пожал ее. После он принял в объятия Дмитрия и, по русскому обычаю, трижды поцеловал его.

– Вы к нам надолго? – поинтересовался он у Ричарда.

– Ричард пробудет у нас какое-то время, – ответил за него Дмитрий.

Ланевский кивнул.

– Признаюсь, мне пора бы честь знать, – произнес он, взглянув на часы. – Митя, вы приехали очень вовремя: завтра я устраиваю бал по случаю семнадцатилетия Софьи.

Дмитрий кивнул, натянуто улыбнулся и слегка покраснел.

– Софья Михайловна уже... – промямлил он и замолчал.

– ...уже почти год тебя не видела и очень по тебе соскучилась, – закончил Ланевский, – и потому ты просто обязан быть к нам завтра в девять.

– Да... я, конечно... очень рад... благодарю покорно...

– Разумеется, мы будем ждать и вас, маркиз. – Ланевский учтиво кивнул Ричарду.

– Право, князь, я не уверен, что мое присутствие...

– Неуверенность порождает неуклюжесть, – заметил Михаил Васильевич.

¹ Красавица! (англ.)

² Для меня большое удовольствие познакомиться с вами, лорд Редсворд (англ.).

– А женщины не любят неуклюжих людей, – вставил Дмитрий.

Его острота не встретила ожидаемой реакции: Ланевский посмотрел на него строго, Владимир Дмитриевич сдержанно улыбнулся.

– Итак, решено: ждем завтра вас к девяти, – объявил Михаил Васильевич бодрым голосом и направился к выходу, но остановился у двери и спросил: – Маркиз, а вы уже решили, где остановитесь?

Ричард, не ожидавший подобного вопроса, уже хотел сказать что-то о гостинице «Астория», но Владимир Дмитриевич ответил за него:

– Разумеется, молодой маркиз остановится здесь, в моем доме.

– Вот как? – с некоторым удивлением отозвался Ланевский. – Что ж, до встречи, господа. Михаил Васильевич поклонился и покинул гостиную.

– Быть может, Дмитрий, ты покажешь маркизу Редсворду его спальню, а после мы хорошо побеседуем за ужином? – предложил Владимир Дмитриевич.

Пока Ричард переодевался, Дмитрий вернулся в гостиную. Граф сидел в кресле и смотрел на шахматные фигуры, глубоко о чем-то задумавшись. Из размышлений его вывел только вопрос племянника:

– Почему Михаил Васильевич спросил, где остановится Ричард?

– Мы не ждали вас так рано, – ответил граф, – и ты не говорил, что приедешь с гостем.

– Но разве ты не получил моего письма?

– Какого письма? – удивился Воронцов.

В этот самый момент в комнату вошел Аркадий с подносом в руках.

– Письмо, ваше сиятельство! – объявил он и подал князю письмо, написанное Дмитрием в Париже, перед отъездом в Петербург. В этом письме молодой повеса сообщал дяде о возвращении домой, рассказывал о своем друге и просил согласия пригласить его в гости.

Увы, российская почта не так быстра, как юноша, стремящийся домой. Ничего удивительного в этом нет, ведь всем известно пристрастие к трактирам почтовых кучеров. Но из-за этого пристрастия граф Воронцов не успел вовремя получить известие о надвигающейся буре и подготовиться к приему лорда Ричарда, носящего знаменитую фамилию Редсворд.

– Мой младший брат был храбрым человеком, стойким, благородным – таким должен быть граф Воронцов, – говорил Владимир Дмитриевич за ужином. – Когда наших родителей не стало, я был кавалерии поручиком; Григорию было четырнадцать. Ни слезы не проронил он ни над телом матери, ни над могилой отца, который последовал за ней через два месяца. Я стал главой семьи и принял опеку над братом. Я старался вложить в него то, что стремился вложить в нас наш отец, а именно: понятие долга, чести и благородства. И признаюсь, мне это удалось. Превыше всего Григорий ставил честь и долг... Увы, это погубило его.

Граф замолчал. Ни Рик, ни Дмитрий не нарушили молчания. И тогда он продолжил:

– Декабрь для меня самый печальный месяц. В декабре в 1795-м умер отец. В декабре 1815-го я потерял свою супругу. – Воронцов выразительно посмотрел на Ричарда. В глазах его смешались боль, страдание и еще одно мощное чувство, которое молодой Редсворд никак не смог тогда охарактеризовать. – А декабрь 1825 года забрал моего брата.

Дмитрий, который до этого был занят трапезой, отложил приборы, гордо выпрямился на стуле и устремил взгляд на дядю.

– Он был близким другом Сергея Григорьевича Волконского и Сашеньки Одоевского, – продолжал Воронцов. – Они уговорили его принять участие в этом треклятом восстании...

– Дядя! – воскликнул Дмитрий. – Это восстание унесло жизнь моего отца, и я прошу вас более уважительно отзываться о нем!

– Помолчи, Дмитрий! – резко ответил граф. – Ты молод и многого еще не понимаешь.

– Мой отец был благородным человеком! Он стоял за свободу, за справедливость. Он погиб, исполняя свой священный долг перед отечеством!

– Это он так считал, – холодно заметил Воронцов.

– Как смели вы...

– Как смеешь ты перебивать меня? – прервал племянника Владимир Дмитриевич. – Помолчи и дослушай, что я скажу. – Воронцов повернулся к Ричарду: – Прошу вас простить меня за эту короткую вспышку моего племянника. Дело в том, что у нас немного разные взгляды на восстание двадцать пятого года. Итак, мой брат, находившийся под влиянием своих друзей, Одоевского и Волконского, был членом Северного тайного общества, о котором знала половина Петербурга. Восхищенный их идеями введения конституции, отмены крепостного права, он принимал активное участие в их заседаниях. Я знал об этом, но не придавал особенного значения этим сборищам. Когда цесаревич Константин решил отречься от престола, эти господа решили выступить.

Тринадцатого декабря Григорий пришел ко мне за советом и рассказал о плане восстания. Я тогда был кавалерии генерал-майором. Представьте себе мое состояние, когда ко мне, генералу царской армии, приходит родной брат и заявляет о своем намерении принять участие в государственной измене.

Граф на секунду остановился. Дмитрий явно хотел возразить что-то резкое, однако из уважения к дяде хранил молчание. Ричард напряженно ждал продолжения рассказа: история о декабрьском восстании облетела всю Европу, но услышать точку зрения человека, имевшего отношение к этой истории, – это было совсем другое дело.

– Григорий – он тогда был Санкт-Петербургского полка лейб-гвардии ротмистром – видел в этом бунте не что иное, как измену государю. Его военным долгом было сообщить властям о готовящемся перевороте. Но он поклялся быть верным идеалам Северного тайного общества, он не мог предать своих друзей, он не мог отказаться от выступления: для него это было равносильно предательству. И в сердце его поселилось сомнение. На одну чашу весов легли честь и дух товарищества, а на другую – долг и присяга; я не говорю о здравом смысле, поскольку в то время никто не задумывался о подобных глупостях.

Он спрашивал меня, что теперь делать. Я всегда был его опорой, защитой, покровителем, во время войны двенадцатого года он был поручиком в моем полку. Это я ходатайствовал о переводе его в Санкт-Петербургский лейб-гвардейский полк, и он понимал, что не может своим поступком бросить на меня тень. Я же в первую очередь желал, чтобы мой брат был и оставался достойным человеком. Но как поступить достойно, если ты оказался в ситуации, когда тебе неизбежно придется совершить предательство?

Владимир Дмитриевич замолчал. Молодые люди ждали продолжения, но граф был до того возбужден, что никак не мог продолжать.

– И что вы сказали ему? – осторожно спросил Ричард, когда молчать стало совсем неловко.

– А что я мог ему посоветовать? Доложить о восстании, предать своих товарищей – это, право, низко. Но пойти против своего государя означает пойти против Отечества.

– Это не всегда так, Владимир Дмитриевич, – мягко возразил Ричард. – Король и государство не едины. Империя важнее самодержца. Превыше всего отечество и честь.

– В России царь есть символ государства, – ответил Воронцов. – Я был в Британии, разве там иначе?

– Порою в Англии мятеж приводит к реформам, которые идут на благо государства, – не согласился Редсворд. – *Treason doth never prosper: what's the reason?*

– For if it prosper none dare call it treason³, – произнес Воронцов. – Это сказал Джон Харингтон, англичанин. Вполне возможно, что император Николай и собирался отменить крепостное право. Теперь же этот его поступок станет проявлением слабости и трусости, и вся Россия, вся Европа заговорит о том, что русский царь пошел на реформы из страха избежать нового бунта.

– Имеет ли значение, что будут говорить? – спросил Ричард.

– А вам безразлично мнение других? – Граф слегка приподнял брови. – Перспектива потерять лицо вас не пугает?

– Мой отец, Уолтер Джон Редсворд, герцог Глостер, один из самых знатных людей в Британии, женился на девушке из народа, – твердо произнес Ричард.

При этих словах хозяин дома вздрогнул, глаза его сверкнули, но он тут же овладел собой и через мгновение с прежней учтивостью смотрел на гостя, который продолжал:

– Мой отец всегда говорил мне, что честь превыше доброго имени, ибо доброе имя есть твое отражение в глазах людей. Но честь есть отражение в твоем сердце. Не страшно лишиться доброго имени и уважения людей – страшно потерять честь, перед собой и перед Богом.

– Ваш отец всегда восхищал меня своей храбростью и своим благородством, – медленно и задумчиво произнес граф Воронцов.

– Вы знали моего отца?

– Знал, – глаза графа снова сверкнули, – когда-то он спас мне жизнь.

Ричарду показалось странным, что отец никогда не рассказывал ему о своем знакомстве со столь благородным джентльменом, каким был Владимир Дмитриевич, однако, хоть граф и вел себя крайне любезно, молодой человек не мог не заметить, что тема герцога Глостера неприятна хозяину дома.

³ Мятаж не может кончиться удачей – // В противном случае его зовут иначе. (Пер. С.Я. Мариака.)

Глава 2

Два князя

Дома новы, но предрассудки стары.
А.С. Грибоедов

Последний день лета утонул за стенами Петропавловской крепости, и в Петербурге наступила ветреная осень. Редкие пожелтевшие листья опали с лип Конногвардейского бульвара, по которому медленной походкой прогуливались два молодых человека.

Один был очень высок и худощав. Красивое лицо его было слегка опоганено оспой, а черные как смоль волосы, крючковатый нос и глубоко посаженные глаза придавали ему поразительное сходство с коршуном. Ему было двадцать семь лет, и он в звании губернского секретаря занимал должность в каком-то ведомстве. Звали его Герман Модестович Шульд. Разумеется, никаким немцем он не был, хотя и пытался убедить всех в обратном.

Собеседник Германа ростом был выше среднего, но весьма худой. Его впалые щеки были обрамлены бакенбардами, а кудрявые волосы он коротко постригал – дабы не быть уличенным во вьющихся волосах. Толстая нижняя губа и широкие надбровные дуги чертовски не соответствовали тонким чертам лица этого молодого человека, а легкая сутулость придавала ему скорее вид обезьяны, нежели дворянина. Все это крайне раздражало молодое горячее сердце, и его обладатель нижнюю широкую губу поджимал, брови хмурил и стремился ходить выпрямившись, словно оловянный солдатик, что придавало ему вид комичный и крайне нелепый. Он это понимал, страшно сердился на самого себя и дошел до того, что стал обладателем самого скверного нрава в Санкт-Петербурге. Это было давно всем известно, и все давно с этим смирились.

Человеком он был по природе незлобивым, стремился улыбаться подчиненным и не дерзил начальству более чем восемь раз на дню – за редкими исключениями. Двадцати пяти лет от роду, он был коллежским ассессором в Министерстве иностранных дел.

А звали этого человека Петр Андреевич Суздальский. Его отец, князь Суздальский Андрей Петрович, кавалер ордена Святого Андрея Первозванного и многих других, в отставке министр иностранных дел, был известным на всю Россию брюзгой и самодуром. Своим продвижением по службе князь Петр Андреевич был обязан протекции отца, о чем прекрасно знал и нередко приходил по этому поводу в скверное расположение духа. Андрей Петрович Суздальский слыл заправским скрягой, денег сыну никогда не давал, держал его вдали от слуг, и Петр Андреевич был единственным князем в Петербурге, который ходил пешком и сам чистил свои сапоги. Последнее он, кстати, категорически не любил, а посему вид часто имел неопрятный.

В министерстве он стремился улыбнуться каждому, кого встречал, с подчиненными общался ласково и мягко, за проступки всегда наказывал по справедливости, был любезен с теми, кто стоял на равных и немного выше в министерстве, зато дерзил отцу, министру и царю.

И эти двое неторопливо шли по Конногвардейскому бульвару.⁴

– Сегодня вечером ты явишься на бал? – спросил Герман молодого князя.

– Не знаю, стоит ли, – тоскливо протянул Петр Андреевич, – пожалуй что пойду. Увижу знакомые до тошноты лица, со всеми пообщаюсь, всем улыбнусь, отпущу два-три комплимента барышням, но танцевать не буду. После расскажу парочку анекдотов о собственной бедности при богатом папаше-старике, произнесу несколько любезностей в адрес хозяина дома, его

⁴ Господа критики, автору известно, что Конногвардейский бульвар появился лишь в 1841 году.

дочери-именинницы, другой его дочери, которую Ланевские прочат мне в невесты... на кой черт им сдался коллежский асессор с жалким жалованьем?

– Но ты не просто коллежский асессор, – возразил Шульц, с восхищением смотревший на своего друга, который уставшим голосом о бале говорил, – ты князь Суздальский, человек знатного и благородного рода.

– Да-да, – подхватил Петр Андреевич, – и сын министра иностранных дел в отставке, наследник огромного состояния. Не сомневаюсь, что князь Михаил Васильевич – а он человек отнюдь не бедный – просто мечтает, чтобы мой батюшка поскорее помер, и тогда его дочери достался бы один из самых богатых женихов России. Но старик, хоть ему уж восемьдесят лет, силен и бодр духом. Он еще их всех переживет, и на похоронах у них всех больше выпьет.

– Не понимаю, почему отец так суров в твоём воспитании, – сказал Герман.

– Все дело в том, что дед мой все свое состояние промотал, и мой отец смолоду кроме знатности и доброго имени ничего не имел, – объяснил молодой князь. – А служить он начинал еще при государыне Екатерине. А тогда сам знаешь какие времена были. И при Екатерине же он стал коллежским асессором. Не то что я – по папиной протекции, а сам, благодаря таланту и уму. Все, что имеем мы, отец мой нажил сам. И сам имеет право всем распорядиться.

– Но он ездит в лакированной коляске, спит на шелковых подушках, ест в самых дорогих ресторанах Санкт-Петербурга, костюмы ему шьют лучшие портные во всей Европе! – воскликнул Герман. – Больше того: львиную долю своих доходов он отдает на благотворительность, он держит целый полк прислуги у себя дома. Так почему же он не дает тебе денег и заставляет тебя самого чистить сапоги?

– Герман, друг мой, – ласково протянул Петр Андреевич, – ты совершаешь большую ошибку, которая вообще присуща людям: считаешь чужие деньги и то, на что эти деньги расходуются. Не забывай, что это отцовское состояние. И только он вправе распоряжаться им по собственному разумению. Что до сапог – крепостным нетрудно приказать их вычистить, но старик считает это элементом воспитания. Своих детей я буду воспитывать по-другому, это точно. Но мой отец таков, каков он есть, и я мирюсь с этим.

Друзья подошли к дому Петра Андреевича.

– Зайдем ко мне, – предложил князь. – Хорошо пообедаем.

– Нет, благодарю, – учтиво ответил Шульц, – боюсь, мне пора идти.

Предложение Суздальского было Герману чрезвычайно лестно, а мысль о «хорошем обеде» в одном из богатейших домов Петербурга возбуждала скудный аппетит Германа, который в последнее время сильно экономил, и – в том числе – на еде. Но всякий раз, когда Петр Андреевич приглашал своего друга в гости, перед последним всплывал грозный образ деспотичного старого князя, которого Шульц ни разу не видел, но тем не менее очень боялся. Герман был карьерист, однако, видя отношение Андрея Петровича к сыну, он был далек от праздных мыслей, будто бы сей великий государственный муж стал принимать какое-либо участие в его, Германа, продвижении по службе.

Петр Андреевич взбежал на крыльцо и повернулся к своему другу:

– Ну так что, Герман, зайдешь?

– Я... – Герман неуверенно сделал шаг вперед.

– Я познакомлю тебя с отцом, – пообещал Петр Андреевич. – Он хоть и брюзга, но человек весьма умный и презанятный собеседник.

Такое предложение слегка озадачило Шульца, и он поставил ногу, уже было занесенную над ступенью, обратно на тротуар.

– Прости, князь, в другой раз, – сконфуженно ответил он. – Я обещал сегодня увидеться с матерью.

– Успеешь увидеться! – настаивал Петр Андреевич. – Зайди ненадолго.

– Нет, право, милый князь, мне неловко, но я...

– Тебя пугает отец? – неожиданно спросил Суздальский, слегка нахмутив густые свои брови.

– Ну что ты, друг мой, разумеется, нет, – солгал Герман.

– Ах, стыдитесь, господин Шульц, стыдитесь! – с наигранной строгостью восклицал Петр Андреевич. – Называете меня своим другом и сразу же нагло лжете мне прямо в глаза.

– Петр Андреевич, право слово...

– А знаешь что, Герман Модестович? – сказал князь. – Завтра старик собирался отбыть в деревни – проверить сбор урожая. Стало быть, жду тебя к шести.

– Но, Петр Андреевич!

– Возражений я слышать не намерен. Alors, au re-voir, monsieur Chultz!⁵ – произнес напоследок Суздальский и скрылся за дверью, которую за ним закрыл лакей.

Погруженный в неприятные думы Герман побрел по Конногвардейскому бульвару в сторону Манежа. Разумеется, если бы Шульц и вознамерился отправиться к какой-то матери, то родная мать его была бы последней в этом списке.

* * *

Напольные часы в столовой Суздальских показывали четверть седьмого. Старый князь сидел на высоком стуле, гордо выпрямившись и аккуратно положив руки на стол. Несмотря на преклонный возраст (ему уже шел девятый десяток), старый князь находился в блестящей физической форме. Ежедневные упражнения не лишили его нестарое тело природной худобы, однако сделали чрезвычайно жилистым, наградив многочисленными мускулами, твердыми, словно кремь. Да и по характеру Андрей Петрович был настоящий кремь. Об этом можно было судить хотя бы по его лицу, которое вдоль и поперек избородили глубокие морщины. Князь Суздальский имел большой лоб, на который спадали белоснежные пряди; усов и бакенбард старый дипломат отродясь не носил, что позволяло всякому отметить чрезвычайно выдающийся волевой его подбородок. Выцветшие серые глаза всегда взирали строго и спокойно, и посему в нынешнем их выражении не было ничего необычного.

Часы пробили четверть седьмого.

Обед был назначен на шесть.

Князь ждал.

– Pardonez moi, rара, je suis en retard!⁶ – бросил на ходу Петр Андреевич, ворвавшись в столовую и усаживаясь за массивный стол по другую сторону от отца.

– Можете подавать, – обратился к прислуге князь Андрей Петрович и выразительно взглянул на часы. «Учитесь пунктуальности, молодой человек», – говорил этот взгляд.

– Каюсь, батюшка, – улыбнулся Петр Андреевич, – но я был до того увлечен одной презанятой беседой, что самым неприличным образом позабыл о времени.

– Ты снова встречался со своим приятелем, губернским секретарем Германом? – поинтересовался князь ровным тоном.

– Точно так! – ответил сын.

Старик принял вид угрюмый и мрачный, выражающий явное неодобрение и осуждение; однако ничего не сказал.

– Мое общение с ним тревожит вас, рара? – осторожно спросил Петр Андреевич.

– Тревожит, Петр Андреевич, это так, – кивнул Суздальский.

Молодой князь ожидал продолжения, но, так как оно не последовало, решил немедленным образом обозначить свои позиции:

⁵ Итак, до свидания, месье Шульц! (*фр.*)

⁶ Прошу прощения, отец, я опоздал! (*фр.*)

– Возможно, папенька, – при этом слове старый князь нахмурился, – вам и не по душе иные мои знакомства, однако, коль скоро мы с вами имеем некоторое общение, я прошу вас с уважением отзываться обо всем моем окружении, и в первую очередь о моих друзьях.

– Так, стало быть, этот молодой человек уже успел стать твоим другом? – заключил Андрей Петрович.

– Да, отец.

– Печально, Петр Андреевич, весьма печально, – задумчиво протянул старый князь.

– Разрешите узнать причину постигшей вас печали, – произнес Петр Андреевич.

– Я ничего не хочу сказать о твоём новом товарище, – отвечал старый князь, – однако есть одно обстоятельство, которое мешает вам стоять на равных позициях в обществе.

– Позвольте полюбопытствовать, какое? – с наигранным недоумением спросил молодой князь.

– Дело касается такой щекотливой темы, как национальность, – сказал старый князь.

– Но, отец, не вы ли в свое время учили меня одинаково относиться к русскому и к англичанину, к французу и еврею, к турку и чеченцу – если речь идет не о войне, разумеется? – возразил Петр Андреевич.

– Все верно, – кивнул старик, – я учил тебя быть одинаково вежливым и учтивым со всяким, учил ко всем относиться в соответствии с делами их, а не с национальностью.

– В таком случае, отец, я не совсем понимаю, чем вызвано ваше неодобрение, – произнес молодой князь.

– Ты понял бы это, если бы умел дослушивать своего собеседника до конца, а не обрывать его на полуслове, – строго ответил Суздальский. – Твой друг еврей и мелкий чиновник. Он не принадлежит к нашему кругу. Ты не можешь общаться с ним на равных в обществе.

– Отчего же?

– Оттого что общество еще не готово впустить в свой круг еврея без происхождения.

– Но, отец, этот человек – один из самых благородных людей, которых я когда-либо знал, – вступился за друга Петр Андреевич, – а его воспитание, манеры сделают честь любому дворянину.

– Но он не дворянин, – отрезал старый князь, – и общество никогда не признает его за равного себе. Ты введешь его в свой круг общения – я не сомневаюсь, что твой друг мечтает об этом, – и общество посмеется над ним, унизит, раздавит его.

– Нет, отец, – вспыхнул Петр Андреевич, – здесь вы не правы. Я покажу обществу блестящего, умнейшего, образованнейшего человека. И я докажу свету, что мир не единственным дворянством дышит!

– Ты потерпишь неудачу.

– Вот и посмотрим! – дерзко заявил молодой князь. – Я готов бросить вызов нашему обществу.

– Ты готов удовлетворять *свои* амбиции, – уточнил Суздальский. – А Герман? О нем ты подумал? Его чувства ты учел? Что будет с этим молодым человеком, если я окажусь прав, если общество раздавит его, надругается над его нежными чувствами? – Каждый вопрос старого князя эхом отдавался в столовой, и каждое слово его словно гроза обрушивалось на Петра Андреевича.

– Больше всего на свете Герман хочет доказать свету, что он достоин его, – холодно ответил молодой князь.

– Свету бессмысленно что-либо доказывать, – медленно произнес Андрей Петрович, обретая былое спокойствие. – Свет совершенно не заботят личные качества человека, его достижения, ум – все это на втором плане. На первом месте стоят происхождение и состояние человека – так всегда было и всегда будет. Забудь о мысли представить его свету.

– Отец, вы ошибаетесь, и я вам это докажу, – процедил сквозь зубы Петр Андреевич.

– Мне тоже ничего не нужно доказывать, Петр Андреевич, – произнес старый князь, – я восемьдесят лет прожил на свете, и восемьдесят лет я прожил в свете. Поверь же мне: я знаю его вдоль и поперек. Твои стремления похвальны. Но предупреждаю тебя: они не принесут твоему другу ничего, кроме горя, отчаяния и унижения, а тебе достанутся разочарование и чувство вины. И молись Богу, чтобы ошибка твоя не привела к непоправимым последствиям. Рана, которую Герман получит, оказавшись лицом к лицу с этим светом, уничтожит его целиком. Ты потеряешь своего друга.

Петр Андреевич слушал отца – человека старого и неоднократно наблюдавшего за тем, как эпохи сменяют друг друга.

Столько лет, столько событий, столько перемен. Россия не та, что была при государыне Екатерине. Нравы за шестьдесят лет порядком изменились. Старик не в силах осознать, что мир не стоит на месте, но на всех парусах летит вперед, что эпохи сменяют друг друга, и чем дальше, тем быстрее это начинает происходить. И нравы – нравы тоже меняются, и так же быстро, как и эпохи. Люди быстро привыкают ко всему новому, необычному. Увы, старому человеку понять это никак невозможно.

Увы, нравы не поспевают за эпохами. Меняются времена, меняются моды, меняются государи. Но не одно поколение потребует на то, чтобы изжить из человеческих умов древние предрассудки. Человечество никогда не избавится от предрассудков. Старые предрассудки сменяются новыми, однако ничего не меняется, за исключением моды, царя и календаря.

Закончив обедать, Петр Андреевич встал из-за стола.

– Благородство не имеет происхождения, – сказал он напоследок. – Благородным человеком может быть и русский, и еврей, и англичанин.

– Кстати, об англичанах, – вспомнил старый князь, – на днях я получил письмо от моего старинного друга, герцога Уолтера Глостера. Он написал мне, что его сын и наследник маркиз Ричард Редсворд прибыл в Петербург и остановился в доме Воронцова.

Князь Суздальский сделал паузу, однако Петр Андреевич не спешил его перебивать. Он опустил обратно на стул и стал ждать продолжения. И оно последовало:

– Лорд Уолтер написал сыну письмо и просил меня передать его Ричарду.

– Но почему герцог не написал напрямую Воронцову?

– Дело в том, Петр Андреевич, что я друг Уолтера Редсворда. Единственный его друг в Петербурге. Все остальные для него – враги, – внушительно сказал Суздальский.

– Что ж он такого сделал? – поинтересовался Петр Андреевич.

– В 1811 году лорд Уолтер прибыл в Санкт-Петербург в качестве посла Британской империи в России.

– И этим он восставил всю столицу против себя? – иронично улыбнулся Петр Андреевич.

– Причины распри Редсворда с Россией – это тайна, которая осталась в прошлом, – сказал старый князь. – Молодежь не знает об этой распре, а старики о ней не вспоминают. Теперь, когда Ричард в Петербурге, история снова взбудоражит весь город – это неизбежно. Но пока этого не случилось, лорд Глостер просил меня держать его сына в неведении.

– Зачем ему это? – спросил Петр Андреевич.

– Уолтер надеется, что все обойдется, что его сын ничего не узнает, – ответил Суздальский. – Сегодня ты окажешься в обществе Ланевских, Демидовых и Воронцовых – участников этой истории. Ты должен знать, в чем дело. Но ты никому не должен раскрывать эту тайну. Клянешься ли ты до времени молчать?

– Слово дворянина, – произнес Петр Андреевич.

....

– Так, стало быть, сегодня вы поедете на бал? – спросил Петр Андреевич, когда рассказ был кончен.

– Нет, Петр Андреевич, на бал поедешь ты, – ответил старый князь, – довольно с меня балов, придворных раутов, банкетов.

– Значит, я передам письмо Ричарду, – заключил Петр Андреевич.

– Письмо и мое приглашение к завтрашнему ужину, – добавил Суздальский.

– Так вы не уедете завтра в деревни? – спросил Петр Андреевич.

– Увы, с поездкой придется повременить.

Петр Андреевич подумал о своем друге Германе, которого столь опрометчиво пригласил в гости. Необходимо сообщить ему о том, что ужин отменяется, решил он, однако, взбудораженный историей, поведенной отцом, почти сразу же забыл написать Герману.

Глава 3 Перед балом

Господа, я пригласил вас сюда с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие.

Н.В. Гоголь

Все смешалось в доме Ланевских.

Княжна Софья Михайловна достигла семнадцатилетнего возраста, а стало быть, сделалась невестою, и притом весьма желанной. Князь Ланевский, человек богатый и щедрый, давал за дочь свою приданое в пятьдесят тысяч рублей и доходное поместье с тысячей приписанных к нему душ. Кроме того, княжна, вопреки своему приданому, была весьма хороша собой.

Софья была любимая дочь в семье, но это было не главное. Превыше всего она хотела быть желанной, и она была. Она мечтала о батальоне поклонников, но получила их целый полк. Она хотела иметь тайных воздыхателей – те ежедневно засыпали ее десятками посланий амурного толка. Софья мечтала о любви и несколько раз в месяц учтиво выслушивала отчаянные признания. Она мечтала быть самой прекрасной дамой на балу, и во время недавнего бала в Михайловском дворце они трижды танцевала с цесаревичем Александром Николаевичем.

Словом, княжна была вполне счастлива.

В свой день рождения она бегала из одной комнаты в другую по всему дому, выслушивала бесконечные комплименты от сестры, княжны Марии Михайловны, смеялась от радости и плакала от волнения.

Княгиня Анна Юрьевна занималась приготовлениями к балу – делу обычному в доме Ланевских. Но поскольку бал был посвящен дню рождения любимой ее дочери, она волновалась, постоянно путалась, давала слугам четкие указания, а через десять минут отдавала противоположные, столь же четкие.

Мария Михайловна, старшая сестра Софьи (ей уже исполнилась восемнадцать), не была столь же красива, хоть и не лишена грации и шарма. В свете она держалась несколько скованно и стеснялась незнакомых лиц. Ухаживания молодых людей были для нее лестны, однако тягостны. Еще ребенком она была сосватана за князя Петра Андреевича и давно уже приучила себя к мысли видеть его своим будущим мужем. Теперь она помогала сестре готовиться к грядущему балу и сама ждала его с нетерпением.

Около восьми часов прибыл брат Анны Юрьевны, князь Александр Юрьевич Демидов. Прибыл он не один, а с дочерью Анастасией и тетушкой – княгиней Марьей Алексеевной.

Княгиня Марья Алексеевна была статная немолодая дама: ей шел восьмой десяток. Нраву строгого и непреклонного, она не признавала иного мнения, помимо собственного, имела огромное состояние и огромное самомнение. Покойный муж ее был человек богатый, благородный, жену любил безумно и потакал ей во всем. Такого доброго и смиренного, его княгиня со свету сжила надменным своим нравом за три года. Детей родить они так и не успели, второй раз замуж вдова не вышла и уже полвека жила одна в своем особняке на Миллионной улице. Жила заботами о племянниках Анне и Александре и их детях: Марии, Софье и Анастасии. Княгиня пользовалась уважением и слыла законодательницей мнений Петербурга и Москвы.

С покойным Александром Сергеевичем она была знакома, за взгляды его всегда корила, а шалость легкую ему она простила.

– *Sophie, ma chère, tu es très belle!*⁷ – воскликнула Марья Алексеевна.

⁷ Софья, дорогая, ты прекрасна! (фр.)

– Grandemaman, grand merci! Vous êtes très bon!⁸ – улыбнулась в ответ Софья и бросилась в объятия бабушки.

– Семнадцать лет – совсем большая, – произнес князь Александр Юрьевич.

– Да, дорогая, – улыбнулась Марья Алексеевна, – когда мне была семнадцать, я вышла замуж за Алексея Павловича.

Софья слегка покраснела и улыбнулась.

– Сегодня ты особенно прекрасна, моя милая, – продолжала Марья Алексеевна, – я уверена, твоей руки будут добиваться министры, генералы, молодые красавцы – весь Петербург.

– И разумеется, ты найдешь себе достойного кавалера, – подтвердил Михаил Васильевич.

– Oh, Michel! – воскликнула Марья Алексеевна. – Сегодня вечером к ногам вашей дочери падут все холостяки.

– И это может вскружить ей голову, – заметил Ланевский.

– Разумеется, – ответила Марья Алексеевна, – поэтому, дорогая моя, старайся сохранять спокойствие. И если тебе кто-то особенно понравится, сначала приди ко мне за советом.

– Ваше мнение очень важно для меня, бабушка, – сказала Софья с благодарностью.

– Как и для всех нас, – поддержал Ланевский.

Марья Алексеевна улыбнулась, кивнула и продолжила:

– Но чтобы твой успех, Sophie, был полным, я решила прямо сейчас преподнести тебе мой подарок на день рождения.

Княгиня обошла внучатую племянницу со спины и надела на нее небесной красоты жемчужное ожерелье.

– Его подарила мне императрица Екатерина, – внушительно сказала княгиня, – теперь оно твое.

– Спасибо, бабушка! – воскликнула Софья и крепко обняла Марию Алексеевну. – Вы не будете против, если мы с Марией и Анастасией оставим вас ненадолго?

– Ну что ты, дитя мое, – улыбнулась княгиня, – конечно, идите.

Девушки покинули гостиную. Ланевский, Анна Юрьевна, Демидов и Марья Алексеевна расположились в креслах.

– Вчера я был в гостях у графа Воронцова, – произнес Михаил Васильевич.

– Он прекрасный человек, Michel, – ответила Марья Алексеевна, – надеюсь, сегодня он почтит нас своим присутствием.

– О да, конечно, – сказал Ланевский. – Вчера вернулся его племянник, Дмитрий. Он тоже будет на балу.

– Сколько я помню, Дмитрий был влюблен в Софью Михайловну, – заметил Демидов.

– У вас безупречная память, Александр Юрьевич, – кивнул Ланевский, – но, как мы знаем, за тот год, что Дмитрий путешествовал, за Софьей ухаживал Константин Болдинский.

– Но Дмитрий и Константин друзья, – сказал Демидов, – не думаю, чтобы это было проблемой.

– Очень на это надеюсь, – кивнул Ланевский, – но меня куда больше тревожит то обстоятельство, что Дмитрий вернулся не один. Он привез с собой своего друга.

– Друга? – Александр Юрьевич посмотрел на шурина. – Что ж здесь такого тревожного. Он богат, знатен, хорош собой?

– Да, он очень богат, о его древнем происхождении известно всей Европе, и он настоящий красавец, – произнес Ланевский.

– И что же здесь удивительного? Он француз? Не говорит по-русски?

– Опять не угадали, – улыбнулся Михаил Васильевич, – по-русски он говорит блестяще. Он англичанин. Его зовут Ричард Уолтер Редсворд.

⁸ Благодарю вас, бабушка! Вы очень добры! (фр.)

– Что?! – воскликнула Марья Алексеевна.

– Маркиз Ричард Редсворд, – повторил Ланевский. – Он тоже будет на балу.

– Это неслыханно! – ответила Марья Алексеевна.

– Больше того, – продолжал Михаил Васильевич, – молодой маркиз остановился в доме Воронцова.

– Это невозможно! – запротестовала Марья Алексеевна.

– Я тоже был удивлен, – согласился Ланевский, – но, когда я спросил, где остановится молодой человек, граф Воронцов сам ответил, что Ричард будет жить в его доме.

– Эти Редсворды всегда отличались своей беспардонностью, – раздраженно произнесла Марья Алексеевна, – вспомните, как двадцать лет назад... Нет! Как же это можно? Потомок Редсвордов! Их сын!

– Да, Марья Алексеевна, – сказал Михаил Васильевич, – Ричард являет собой точную копию отца. Уолтер Редсворд, герцог Глостер, его отец, в этом нет сомнения.

– В таком случае Владимиру Дмитриевичу следовало бы вышвырнуть этого мальчишку вон из своего дома, а его отца вызвать на дуэль! – отрезала Марья Алексеевна.

– Владимир Дмитриевич иного мнения, – заметил Ланевский, – сегодня утром я получил от него письмо.

– И что же? – спросила Марья Алексеевна.

– Он просит отнестись к Ричарду не как к сыну... – начал Михаил Васильевич и осекся.

– ...своего врага, – подсказала княгиня.

– ...а как к другу его горячо любимого племянника Дмитрия, – закончил Ланевский. – Он просит нас принять молодого маркиза в свой круг.

– Об этом не может быть и речи, – отрезала Марья Алексеевна, – двадцать пять лет назад мы уже приняли одного Редсворда. И что он сделал?

– Так или иначе, – сказал Михаил Васильевич, – граф Воронцов закликает нас не выдавать Ричарду тайну его отца.

– Но эта тайна принадлежит не только его отцу, – заметила княгиня.

– Она в равной степени принадлежит и Владимиру Дмитриевичу, – подтвердил Ланевский, – и поскольку князь Воронцов настаивает на сохранении этой тайны, и нам следует хранить молчание.

– Ну хорошо, Michel, – согласилась Марья Алексеевна, – но я никогда не смирюсь с тем злом, которое принес его отец.

– Но молодой маркиз производит вид человека честного и благородного, – сказал Ланевский.

– Его отец тоже имел вид благороднейшего джентльмена в мире, – напомнила княгиня. – Из уважения к Владимиру Дмитриевичу я сохраняю эту тайну. Но не просите меня быть любезной с отпрыском Редсвордов.

Глава 4

Бал в доме Ланевских

Куда деваться от княжон?

А.С. Грибоедов

Начало бала было назначено на девять часов.

Граф Воронцов, Дмитрий и Ричард прибыли к Ланевским в одиннадцатом часу.

Когда они вошли в зал, почти все гости собрались.

Музыка скрипки и фортепьяно, стук каблуков по паркету, звон бокалов с искристым шампанским, лица прекрасных девушек в атласных платьях, блеск фамильных бриллиантов и золото эполет – высший свет Петербурга предстал перед молодым маркизом Ричардом Редсвордом.

– Владимир, любимый друг мой! – поздоровался Ланевский.

– Здравствуйте, Владимир Дмитриевич, – приветствовала князя Марья Алексеевна.

– Рад видеть вас в добром здравии, Марья Алексеевна, – улыбнулся Воронцов. – Поздравляю вас с днем рождения Софьи Михайловны. А вот и вы, виновница бала! Oh, belle! Vous êtes très belle, mademoiselle!⁹ Будь я моложе, стал бы драться на дуэли, лишь бы добиться права танцевать с вами.

– Дорогой граф, слова ваши мне лестны и приятны, – ответила Софья, – и я буду рада принять от вас приглашение на танец.

– Сударыня, можете быть спокойны, – произнес Дмитрий, – граф Воронцов вас пригласит.

– Я рада, что вы вернулись, Дмитрий Григорьевич! – сказала Софья.

– И я, признаюсь, очень рад, Софья Михайловна, – улыбнулся Дмитрий, – во Франции я видел много, но не видел вас! Александр Юрьевич, мой вам поклон! И вам, княгиня Марья Алексеевна!

– Господа, дамы, – сказал Воронцов. – Разрешите мне представить вам моего гостя, молодого маркиза Ричарда Уолтера Редсворда.

Ричард выпрямился и учтиво поклонился присутствующим.

Музыка смолкла. Молчание. Напряжение. Удивление. Возмущение. Натянутые улыбки. Тишина. Звонящая, могильная тишина наполнила зал. Десятки глаз устремились на Ричарда.

И в тишине по залу эхом раздавался уверенный стук каблуков.

Из толпы вышел молодой человек в поношенном фраке. Он гордо подошел к Ричарду и поклонился.

– Маркиз, рад вас видеть, – произнес он уверенным голосом. – Мой отец – друг вашего отца. И я буду рад назвать вас своим другом. Смею представиться: князь Суздальский Петр Андреевич. – Он протянул Ричарду руку и улыбнулся.

Ричард пожал руку и улыбнулся в ответ.

– Владимир Дмитриевич, – приветствовал Воронцова Суздальский.

– Петр Андреевич, – поклонился Воронцов, – как здоровье вашего батюшки?

– Рара здоров, но мучится подагрой, – солгал Петр Андреевич, – потому он шлет привет и ждет вас в гости.

– Нижайший поклон Андрею Петровичу, – сказал Владимир Дмитриевич.

– Марья Алексеевна, все ждут мазурку, – заметил Суздальский. – Вы не окажете мне честь?

⁹ О, красота! Вы прелестны, сударыня! (фр.)

– Петр Андреевич, вы, право, издеваетесь! – улыбнулась Марья Алексеевна. – В моих летах – мазурку танцевать!

– Но вы, кажется, всего на три года меня старше, – улыбнулся Петр Андреевич.

– Ах, Петр Андреевич, вы обольститель и наглец, – рассмеялась Марья Алексеевна, – пригласили бы на мазурку Марию Михайловну: она скучает без вашего внимания.

– Вы позволите, Михаил Васильевич? – спросил Петр Андреевич.

– Буду счастлив видеть свою дочь в вашей компании, – ответил тот.

Петр Андреевич удалился, кивнув Ричарду и подмигнув Дмитрию. Последний протянул руку имениннице. Та приняла его приглашение, и они отправились танцевать.

– Рад знакомству, маркиз, – сдержанно поздоровался Демидов.

– Ричард, это мой друг, князь Александр Юрьевич Демидов, – представил товарища Воронцов.

– Взаимно, князь, – кивнул Ричард.

– Моя супруга, Анна Юрьевна, – сказал Ланевский, – сестра Александра Юрьевича.

Анна Юрьевна подала Ричарду руку, которую тот поцеловал.

– Княгиня Марья Алексеевна Ланская, – продолжал Михаил Васильевич.

Руки Редсворду Марья Алексеевна не протянула, но сделала реверанс. Молодой маркиз ответил ей поклоном.

– Прошу прощения, маркиз, я вас оставляю, – с улыбкой произнесла княгиня и, сделав легкий реверанс, ретировалась.

– А что же, маркиз, вы не танцуете? – поинтересовался Демидов.

– Я умею танцевать, – ответил Ричард.

– Когда я был в вашем возрасте, – вспомнил Александр Юрьевич, – я танцевал до упаду.

– Я не знаком с русским этикетом, – улыбнулся Ричард.

– Не стесняйтесь, маркиз, – ответил Демидов, – свет Петербурга похож на лондонский.

Отчасти.

– В таком случае я вас оставляю. – Ричард поклонился и покинул их.

Он отошел от них немного и остановился. Щеки его пылали. Неприкрытая заносчивость была ему знакома, но явная враждебность, сокрытая под маской учтивости, вызвала у него недоумение. А та настойчивость, с которой Демидов пытался избавиться от него, казалась Ричарду просто-напросто грубой. Он медленно шел по залу, встречаемый улыбками молодых людей и провожаемый взглядами людей в возрасте.

И вдруг Ричард увидел *ее*. Она стояла в компании Дмитрия и Софьи Михайловны. Она была в белом атласном платье, обнажившем мраморные ее плечи, на которые спадали несколько золотых локонов, выбившихся из-под безупречно собранных волос. Тонкие черты ее лица, прямой царственный нос, лебединая шея и темно-синие, цвета морских глубин, глаза. Без сомнения, это была *она*. Beauty. Нет, это слишком слабое слово для описания такой девушки.

Дмитрий о чем-то возбужденно рассказывал. Было видно, что он говорит для Софьи, но *она* слушала – о, с каким видом *она* слушала его друга! Какое царственное спокойствие в ее осанке, какое непередаваемо прекрасное выражение застыло в синих ее глазах!

Ричард уже почти подошел к ним и мог расслышать, о чем рассказывает Дмитрий. Он говорил о путешествии. Рассказывал о Пруссии, Бельгии, Франции.

– Париж – самый прескверный город на земле, – заявил молодой граф Воронцов, – пребывание там сделалось бы для меня совсем невыносимым, если бы не общество моего друга... да вот же он! Рик, друг мой, позвольте же я вас познакомлю!

Ричард подошел и поклонился.

– Княжна Софья Михайловна Ланевская, – говорил Дмитрий, – виновница сегодняшнего бала.

Княжна сделала Ричарду реверанс. Он поклонился в ответ.

– Рада знакомству с вами, маркиз, – улыбнулась Софья, – мы с Дмитрием – очень близкие друзья.

– Сударыня, я уже завидую Дмитрию, удостоившемуся чести стать вашим другом, – сказал Ричард.

– Ричард, позволь мне представить тебе кузину Софьи, княжну Анастасию Александровну Демидову, дочь Александра Юрьевича, – продолжил Дмитрий. – Анастасия Александровна – мой близкий друг, маркиз Ричард Редсворд.

– Mademoiselle, j'ai venue a Petersbourg, la ville très froide et maussade, mais maintenant je le vois très ravissant, parce què j'ai vois reconnu, – произнес Ричард. – La fille très belle et...¹⁰

– Beauty? – подсказала Анастасия.

Ричард густо покраснел. Тонкие губы Анастасии Александровны шевельнулись в улыбке, ее глаза выражали симпатию, и он улыбнулся в ответ.

Редсворд думал, что может ей сказать, но их внезапно прервал звучный голос Петра Андреевича:

– Sophie, ma chère, votre soeur dance trop vite!¹¹ Под руку он вел ее старшую сестру, Марию Михайловну.

– Marie dance vite, c'est vrai!¹², – согласилась Софья.

– Анастасия Александровна, безумно рад вас видеть! – произнес Суздальский. – Вы, как всегда, стремитесь быть очаровательной! Лорд Ричард, и вы здесь!

– Да, князь, я наслаждаюсь обществом богинь, – ответил Редсворд.

– Верно подмечено, маркиз! – согласился Петр Андреевич. – Вы выбрали общество едва ли не первых красавиц Петербурга.

– Петр Андреевич, ты не прав! – возразил Дмитрий. – Я объехал пол-Европы, но нигде не видел столь прекрасных дам! Первые красавицы Европы – это правда.

– Дмитрий Григорьевич, вы нам льстите, – заметила Софья.

– Куда деваться от княжон! – рассмеялся Суздальский. – Думаю, вы не сильно проклянете меня, если я заберу у вас нашего дорогого маркиза на несколько минут.

– С вашей стороны будет невежливо лишать нас общества столь блестящего человека, – вмешалась Мария Михайловна.

– Это вы обо мне? – усмехнулся Петр Андреевич. – Мы вернемся мигом.

– Сейчас начнется кадрили, – сказала Мария Михайловна слегка обиженно.

– В таком случае примите приглашение поручика Курбатова, – бросил Суздальский, указывая на молодого человека, идущего к ним. – Пойдемте, маркиз.

Уверенным и быстрым шагом Петр Андреевич направился к выходу из зала, и Ричард последовал за ним.

Поношенный фрак молодого князя так не соответствовал той легкости, с которой Петр Андреевич общался с представителями высшего света, а учтивость его разговора так неожиданно сменялась грубостью, что Ричард недоумевал, что хочет сказать ему его новый знакомый, чего нельзя сказать в обществе. Тех нескольких оскорбительных замечаний, которые молодой князь бросил в адрес beauty, уже хватило, чтобы настроить пылкого маркиза против собеседника.

Господа вошли в пустую комнату. Петр Андреевич закрыл дверь и повернулся к Ричарду.

¹⁰ Сударыня, я приехал в Петербург, город чрезвычайно холодный и хмурый, но теперь я нахожу его восхитительным, потому что я узнал вас. Девушку крайне прелестную и... (фр.)

¹¹ Софья, дорогая, ваша сестра танцует слишком быстро! (фр.)

¹² Мария танцует быстро – это правда (фр.).

– Ваш отец князь Андрей Петрович Суздальский, – произнес Редсворд. Он говорил из вежливости, чтобы не молчать. Неприязнь, которую вызвал молодой князь, он стремился выразить холодным тоном, однако не сильно преуспел в этом, поскольку обезоруживающая улыбка Петра Андреевича сбила его с толку. – Я помню, он несколько раз приезжал к нам.

– Да, Ричард, но сейчас я хотел бы поговорить о *вашем* отце, – ответил Петр Андреевич. Ричард взглянул на князя в недоумении. Тот пояснил:

– Он очень обеспокоен вашим приездом в Петербург.

– Отчего же? – поинтересовался Редсворд.

– Вот письмо от вашего отца, – сказал Суздальский, доставая конверт из внутреннего кармана фрака, – оно вам объяснит.

– Не понимаю, почему он не написал графу Воронцову, – произнес Редсворд.

– Прочтите письмо, маркиз. Сейчас прочтите, – сказал Петр Андреевич и добавил: – Завтра будьте у нас к ужину. Отец хочет поговорить с вами. Вам не следует брать с собой Дмитрия. Это приватный разговор.

– Право, князь, я не понимаю...

– Прочтите письмо, маркиз. Оно вам объяснит, – повторил Суздальский. – И сразу возвращайтесь в зал: Анастасию Александровну ведь могут ангажировать.

Ричард хотел было что-то ответить: он не ожидал, что его симпатия к княжне Демидовой столь явна, однако Петр Андреевич уже скрылся за дверью.

«Все-таки мерзавец», – решил Ричард и посмотрел на конверт. На нем была печать с фамильным гербом Редсвордов. Адресовано письмо было в дом князя Суздальского на Конногвардейском бульваре. Почему?

Ричард быстро сломал печать, достал письмо и прочитал:

«My dear and loving son Richard,

as soon as you've written me that you're going to Saint-Petersburg I felt a great emotion. There are lots of enemies of Redsword's family in Russia. More than twenty years ago I had a great conflict with earl Vorontsov. He has a right to hate me more than anybody else. And I was confused when learned that you will be a guest in his home. He is a noble and an honest man. But I deceived him.

Be careful to princess Mariya Alekseevna – she is a devil in a skirt. Be careful to prince Alexander Demidov and prince Michail Lanevskiy – they hate me as a deceiver and a steel.

But don't be afraid of them. You must remember: they hate you, but they fear. Because there is Redsword's blood in you, my blood. You are Lord Richard Redsword. You are a Noble. You will prove them you are an honest man.

If you need help, you'll find it in home of Andrey Suzdalskiy, my friend. All my letters to you I'll send to his address. He promised me protect you if you need it. I hope my son will be a respectable member of Redsword's family in the city, full of enemies.

Good luck, Richard.

Hold fast, hold hard.

Your father,

*Lord Walter John Redsword».*¹³

¹³ Мой дорогой и любимый сын Ричард, как только ты написал мне о том, что направляешься в Санкт-Петербург, я почувствовал сильное волнение. В России много врагов у нашей семьи. Больше чем двадцать лет назад у меня была сильная ссора с графом Воронцовым. Он имеет право ненавидеть меня более чем кто бы то ни было. И я был сконфужен, когда узнал, что ты будешь гостем в его доме. Он благородный и честный человек, но я обманул его. Будь осторожен с княгиней Марьей Алексеевной – это дьявол, который носит юбку. Будь осторожен с князем Александром Демидовым и князем Михаилом Ланевским – они ненавидят меня и почитают за обманщика и вора. Но не бойся их. Запомни: они ненавидят тебя, но они и боятся. Потому что в твоей крови течет кровь Редсворда – моя кровь. Ты лорд Ричард Редсворд. Ты дворянин. Ты докажешь им, что ты человек чести. Если тебе потребуется помощь, ты найдешь ее в доме моего друга Андрея Суздальского. Все свои письма к тебе я буду посылать на его адрес. Он обещал мне защитить тебя, если это потребуется. Я лелею надежду, что мой сын

Ричард был потрясен. Почерк отца, всегда стройный и аккуратный, выдавал дрогнувшую в некоторых местах твердую руку. А содержание... отец, такой педантичный, такой последовательный – даже не верилось, что он мог отправить такое нескладное письмо.

«У меня была ссора с графом Воронцовым», «Он благородный и честный человек, но я обманул его» – Ричард несколько раз перечитал эти строки. Он не мог поверить, что отец способен на обман, на предательство.

Отец был дипломатом, думал Ричард, он действовал в интересах своей страны. Возможно, он был вовлечен в политическую интригу. Возможно, когда встал выбор между долгом и другом, он выбрал долг. Но предательство... Как может отец говорить о себе такие слова? Нет, это невозможно.

Внезапный стук в дверь прервал его размышления.

– Войдите, – произнес Ричард.

Вошел Петр Андреевич.

– Маркиз, я полагаю, содержание письма вас не обрадовало, – заметил князь.

Ричард взглянул в зеркало. И правда: вид он имел подавленный и обескураженный.

– Что бы ни было там написано, – сказал Петр Андреевич, – возьмите себя в руки. Вы дворянин. Вы лорд Редсворд. Что сказал бы ваш отец, увидь он вас в таком жалком виде? Не смотрите на меня гневно: вид вы имеете жалкий. Выпрямьтесь, маркиз, – вы не горбун и не нищий на паперти. Вот так. Теперь отбросьте эту мину: она никак не годится молодому франту, коим вы являетесь. Вы на балу, вы не забыли это? Очень хорошо. Теперь идемте в зал. Вы пригласите на вальс княжну Анастасию. Как сразу изменились вы в лице! Другое дело, маркиз.

Оттанцевав с Софьей кадрили, Дмитрий пригласил ее на мазурку.

– Боюсь, Дмитрий Григорьевич, на следующий танец я уже ангажирована, – сказала Софья, заглянув в бальную книжечку.

– И кто же этот счастливец? – спросил Дмитрий, слегка расстроенный.

– Константин Васильевич Болдинский, – ответила Софья, слегка смущенная.

– Костя? – переспросил Дмитрий. – Когда же он успел?

– Сразу как приехал, – произнесла Софья.

– А следующая за мазуркой полька?

Софья, хоть и знала бальную книжку наизусть, вновь заглянула в нее и констатировала:

– Я снова ангажирована.

– И кем же? Снова Костей? – удивился Дмитрий.

– Константин Васильевич был очень... – Софья запнулась, подбирая слова.

– Расторопен, – сказал Дмитрий.

– Дмитрий!

Молодой граф Воронцов обернулся и увидел человека, которого только что успел обвинить в расторопности. Константин Болдинский, повеса двадцати двух лет, близкий друг Дмитрия, стоял перед ним.

– Костя! – Дмитрий забыл о былой унылости и обнял друга.

– Как ты? Как поездка? Как Париж? – спрашивал Болдинский.

– Поездка славная, Париж кошмарен, рад возвращению домой, – ответил Воронцов.

– И я безумно рад, мой друг! Ты слышал новость? Николай женился!

– Уж не на Лизавете ли Андреевне?

– На ней! – воскликнул Болдинский.

Николай был старшим братом Константина. Год назад, когда Дмитрий уезжал из Петербурга, Николай был помолвлен с Елизаветой Андреевной Встовской, однако день их свадьбы еще назначен не был. Теперь Николай был женатым человеком.

– Вот и они! – сказал Константин, указывая на приближающуюся пару.

– Здравствуй, Николай Васильич! – поздоровался Воронцов.

– И тебе здравствуй, Дмитрий Григорьич!

Друзья пожали друг другу руки.

Дмитрий поздравил Николая со свадьбой, с прекрасной женой, высказал им пожелания счастья и выразил сожаление в том, что не присутствовал при венчании.

Николай поблагодарил друга, отпустил пару анекдотов на тему семейной жизни и выразил сожаление, что перестал быть холостяком. Впрочем, он поспешил заметить, что последнее его заявление было шуткой – дабы не оскорблять чувства супруги.

Музыканты заиграли мазурку, и Константин увел Софью на танец. Дмитрий смотрел им вслед и чувствовал себя побежденным.

– Кажется, Костя влюбился, – заметил он.

– Он просто без ума от Софьи Михайловны, – подтвердил Николай.

– Но ответно ли это чувство? – спросил Дмитрий.

– Послушай, Дмитрий Григорьевич, – внушительно сказал Болдинский, – ты мой друг, но Костя мой брат. Он любит Софью, а она, возможно, отвечает ему взаимностью. За тот год, что ты путешествовал, они сильно сблизились друг с другом. К чему тебе вторгаться в их любовь?

– Но нет уверенности, что любовь взаимна, – настаивал Воронцов. – А мои чувства к Софье? Моя любовь – о ней ты не подумал?

– Любовь? – В голосе Николая отчетливо послышалось удивление. – Какая любовь? Не хочешь ли сказать ты, что влюблен?

– Это удивительно? – поднял брови Дмитрий.

– Разумеется, удивительно, – кивнул Болдинский, – ведь за целый год ты ни разу не ответил Софье ни на одно ее письмо.

– А отчего ты думаешь, что Софья мне писала? – не унимался Дмитрий. – И если так, то где уверенность, что я не отвечал?

– Граф, перестаньте, – вмешалась в разговор Елизавета Андреевна, – у Софьи есть подруги.

– Что ж, прекрасно, – вскипел Дмитрий, – прошу меня простить, я вас оставляю.

Ричард вошел в зал вслед за Петром Андреевичем. Суздальского моментально пленила княжна Мария Михайловна, и молодой маркиз отправился на поиски Анастасии Александровны. Княжна Демидова нашлась быстро: своей красотой она затмевала прочих девиц, в обществе которых находилась. Ричард собрался с духом и уже сделал несколько шагов в ее направлении, когда Анастасия его заметила. Она учтиво ему улыбнулась, глаза ее смотрели на него спокойно и тепло – за один этот взгляд Ричард готов был отдать свою душу.

Ричард не успел совсем немного: к девушкам подошел молодой офицер и протянул Анастасии руку – это было приглашение на мазурку. Ричард остановился. Анастасия все еще смотрела на него. Офицер, по-прежнему ожидавший ответа от нее, развернулся и посмотрел на Редсворда.

Это был высокий стройный молодой человек лет двадцати пяти. Красивый, он имел надменное выражение лица, пышные гусарские усы и офицерский мундир.

Господа молча смотрели друг на друга: Ричард спокойно, а офицер – с вызовом.

– Вы не знакомы? – произнесла Анастасия. – Борис, это маркиз Ричард Редсворд, друг Дмитрия Григорьевича Воронцова.

– Поручик Курбатов Борис Иванович, – представился гусар, надменно приглаживая пышные усы.

– Имею честь, – ответил Ричард.

– Прошу нас извинить, – сказал поручик и бесцеремонно увел Анастасию.

Дмитрий был возмущен до глубины души.

Он знал Софью с детства. Владимир Дмитриевич часто говорил, что хочет породниться с Ланевскими. Софья всегда была к нему расположена. И он был в нее влюблен. Так почему стоило ему уехать, как она, любившая его, стала принимать ухаживания Кости? Это было весьма сильным ударом.

Но письма-то, письма!

Да, Софья действительно ему писала. Писала много – и все ерунду. Ну, право, что он мог ответить на рассказ о бале в Михайловском дворце? Выразить восхищение, что ее красота не осталась незамеченной. Это глупо. Или написать пылкое ревнивое послание, полное оскорбленных чувств и израненных надежд? Да с какой стати? Он ей не муж и даже не жених.

А что он мог ей написать? Очередной вздор о пылких своих чувствах? Очередной отчет о проведенном дне? Придуманную историю о скучном времяпрепровождении вдали от возлюбленной? Не мог же он написать ей правду о кутеже, пьянстве и парижских проститутках.

И все же Дмитрий чувствовал, что своим молчанием и редкими, сухими и крайне лаконичными ответами он убивал в ней интерес к своей особе.

Но как, какого черта он мог забыть ее? Она прекрасней всех, кого он видел. Быть может, среди женщин, с которыми Дмитрий близко знакомился во время путешествия, и попадались хорошенькие, но в них не было невинности Софьи, ее нравственной чистоты.

Размышления молодого повесы прервал знакомый голос.

– Весь в отца: такой же гордый и самодовольный. – Голос принадлежал княгине Марье Алексеевне.

– А мне он показался учтивым человеком, – возразил Демидов.

– Опомнитесь, мой милый, он же Редсворд! – воскликнула княгиня.

– Довольно, – сказал Владимир Дмитриевич, – маркиз Редсворд – мой гость, и я не желаю слышать о нем подобных отзывов.

– О, Владимир, только ради вас, – ответила Марья Алексеевна.

– Не будем забывать, мы на балу, на дне рождения вашей внучатой племянницы, – напомнил Воронцов.

– И правда, – согласился Ланевский, – давайте же поговорим о бале...

Дмитрий поспешил ретироваться, и успешно сделал это, оставшись незамеченным.

За эти полчаса он и думать забыл о своем друге.

Но отчего такая враждебность, такая неприязнь? Об этом, пожалуй, следует спросить дядю.

«Но где же Ричард? Вот же он! Стоит один, угрюмый, как и я. В руках бокал шампанского. Похоже, и его постигла неудача».

– Ты удручен? – спросил он Ричарда.

– У вас, в России, странный есть обычай, – ответил Редсворд, – грубите незнакомцам без причины.

– Ты про княгиню Марью Алексеевну? – вспомнил Дмитрий отрывок только что подслушанного им разговора.

– Она не слишком приветлива, – согласился Ричард, – однако я сейчас думал не о ней.

– Так кто же нагрубил тебе, мой друг?

– Борис Курбатов, ты знаком с ним?

– С Борисом-то – конечно же знаком! – воскликнул Дмитрий. – Что произошло?

– Хотел пригласить барышню на танец, – начал Ричард, – уж было подошел к ней. И вдруг он вырос между нами, как из-под земли. Ее увел, а меня смерил надменным дерзким взглядом.

– Уж не Анастасия ль Александровна та дама? – лукаво улыбнулся молодой граф Воронцов.

– Ты прав, – кивнул Ричард.

– Эх, брат, ну выкинул ты штуку! – рассмеялся Дмитрий.

– В чем дело? – недоумевал маркиз.

– Все дело в том, что Борис давно и безнадежно в нее влюблен, – сказал граф, закончив смеяться.

– А она?

– Она... она прекрасна! – заметил Дмитрий.

– В этом нет сомненья, – согласился Ричард. – Но она отвечает ему взаимностью?

– Тут, видишь ли, история непростая. Отец Бориса, Иван Васильевич Курбатов, был близким другом князя Демидова. После участия в декабрьском восстании он отправился в острог, где вскоре умер. А его сын, Борис, был взят под опеку Александром Юрьевичем. С тринадцати лет он живет в доме Демидовых. Для старого князя он все равно что сын. И воспитывал его он как родного. Разумеется, князь мечтает видеть его мужем своей дочери.

– Но что Анастасия? – не унимался Ричард.

– Анастасия Александровна – не знаю, – сказал Воронцов, – мне кажется, она не отвечает ему взаимностью, однако покорна воле отца. Ей через три месяца исполнится семнадцать, а стало быть...

– Но она не выйдет за человека, которого не любит, – с надеждой произнес молодой маркиз.

– Почем знать, может, и любит, – задумчиво ответил Дмитрий и рассмеялся, довольный негодованием друга, вызванным этими словами. – Как вижу, ты влюбился, топ ами.

Мазурка закончилась, и друзья подошли к Курбатову и Анастасии Александровне.

– Борис, привет, как на Кавказе? – обратился Дмитрий к старому знакомому.

– Здравствуй, Дмитрий, уже вернулся, цел и невредим, – ответил гусар.

– Ты знаком с моим другом, маркизом Ричардом Редсвордом?

– Знаком, – холодно ответил Борис, окинув графа воспламеняющимся взором.

– Шампанского, поручик? – предложил Воронцов.

– Пожалуй, – кивнул гусар.

– Так пойдем, – позвал Дмитрий, пытаясь увести Курбатова из зала.

– Маркиз, пойдемте с нами, – предложил поручик.

– Нет, благодарю, с меня достаточно шампанского сегодня, – ответил Редсворд.

– Не по-гусарски, маркиз, не по-гусарски, – презрительно покачал головой Борис Иванович.

Ричард вскипел и готов был сказать Курбатову что-то оскорбительное, но не успел, так как тот ушел вслед за Дмитрием.

– Анастасия Александровна, я рад снова быть рядом с вами, – произнес Ричард, – в том смысле: снова видеть вас.

Княжна кивнула.

– Вчера я лишь приехал в Петербург, впервые вышел из кареты. Я стоял на Невском проспекте и был очарован этим прекрасным городом: его домами, его шпилями и вами...

– Так слово beauty относилось не ко мне, а ко всему Петербургу? – улыбнулась Анастасия.

– Да, то есть нет, – запутался Ричард, – я хотел сказать... нет, право, я не знаю, что хотел сказать.

Ричард смешался и замолчал. «Идиот!» – говорил он себе и отчасти был прав. Но если слова молодого Редсворда и позабавили княжну, она не подала виду и все продолжала смотреть на собеседника прежним заинтересованным взглядом глубоких синих глаз.

– Вы знаете, я никогда не был в России, но погода здесь в эту пору очень напоминает лондонскую, – сказал наконец Ричард, подняв любимую англичанами тему разговора. – Вы любите дожди?

– Люблю, лорд Редсворд, – подтвердила Анастасия, – я люблю дождь, грозы и туман. Люблю погоду пасмурную, ветер. Осень – прекрасное время года.

– Как хорошо, что в первый осенний день я познакомился с вами, сударыня, – произнес граф. – Возможно, и второй осенний день принесет мне счастье вас увидеть.

Княжна смотрела задумчиво, спокойно. В синих глазах отражалась ее душа, но что – что хотела сказать ее душа этим взглядом? Ричард не знал ответа. Музыканты заиграли вальс, и рука Анастасии как-то неожиданно оказалась в руке Ричарда: оба не заметили, как начали танцевать. А танец был волшебный, невообразимый. Маркизу и княжне – обоим казалось, что в зале они одни, что музыканты играют специально для них, что только ими наполнен этот мир, и что только здесь, сейчас, в этом танце есть жизнь, и на свете нет ничего, имеющего значения. Они танцевали и танцевали, кружились по всему залу и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

Ричард никогда, никогда прежде не чувствовал себя настолько счастливым, а свою жизнь – настолько полной и удивительной. Теперь наконец все обрело смысл, он перестал себя терзать вопросом, который мучит всех молодых людей: зачем я живу на свете? Он знал зачем. Знал, для чего, ради кого. Ради нее! Потому что он любит ее. Это он осознал в тот миг, когда они начали танцевать. Он знал теперь, что вся его жизнь, весь его мир сосредоточены в этой молодой девушке. В синих глазах ее он видел задумчивую страсть и был готов умереть за поцелуй княжны.

Когда вальс закончился, они остановились. Княжна сделала ему реверанс и произнесла:

– Завтра в полдень я собиралась прогуляться по Английской набережной. Я верю, что там будет англичанин.

Она развернулась и грациозной походкой направилась к отцу. Ричард смотрел ей вслед, и сердце его тоскливо сжималось при мысли о том, что до завтра он ее не увидит.

Он так внимательно смотрел ей вслед, что не заметил едва скрытой ярости в глазах ее отца.

– Рик, голубчик, – услышал он голос Дмитрия, – мы с Борисом Ивановичем думаем отправиться на Фонарную улицу. Ты не хочешь составить нам компанию?

Редсворд покачал головой. Окрыленный мыслями об Анастасии, он вовсе не горел желанием погрузиться в лоно разврата и вакханалию публичного дома. К тому же его не сильно прельщало общество поручика Курбатова. Потому он поблагодарил за приглашение и вежливо отказался.

– Не по-гусарски, маркиз, не по-гусарски, – презрительно, как и в предыдущий раз, покачал головой поручик, прежде чем удалиться.

Но теперь Ричарду было все равно: этот гусар несколько лет добивался сердца девушки, которую любил. Ричард, любивший ее один день, уже добился права на свидание.

Молодой маркиз нашел Владимира Дмитриевича. Тот прощался с хозяином.

– Покорнейше вас благодарю за бал, Михаил Васильевич. Еще раз примите мои искренние поздравления с днем рождения вашей очаровательной дочери! Рад, безумно рад быть вашим гостем. А вот и наш молодой маркиз! Лорд Ричард, где же Дмитрий?

– Они с поручиком Курбатовым уехали... в кофейню, – солгал Редсворд.

– Молодежь! – воскликнул Воронцов и лукаво прибавил: – В моем возрасте уже не до кофейен. Я уезжаю домой.

– Я с вами, Владимир Дмитриевич, – сказал Ричард. – Вот только попрощаюсь с Александром Юрьевичем.

– Они с дочерью только что уехали, – объявил Ланевский.

– Что ж, князь, – произнес немного раздосадованный Ричард, – я благодарю вас за приглашение. Это огромнейшая честь для меня – быть гостем на празднике вашей прекрасной дочери. На празднике, ставшем триумфом ее торжества, поскольку ее очарование затмило сегодня ночью луну и звезды, свет ночных огней. Она блистала на сегодняшнем балу как первая красавица России, – безбожно лгал молодой Редсворд, который все эти слова относил не к дочери князя Ланевского, но к его племяннице. – Я счастлив был сегодня побывать здесь.

Прощавшись, Ричард и Воронцов сели в карету, которая повезла их в сторону Малой Морской.

– Ну что, лорд Ричард, как вам Петербург? – спросил Владимир Дмитриевич.

– Belle, tris belle, – отвечал Ричард.

А про себя подумал: beauty.

Глава 5

Гимн первой любви

*Что за комиссия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!*

А.С. Грибоедов

– Позор, Анастасия Александровна, позор! – восклицал Демидов, вернувшись с дочерью домой. – Как ты могла, как у тебя совести хватило принять это приглашение на вальс?

– Mais, rара, je suis...¹⁴

– Не надо изъясняться по-французски, когда я гневаюсь на тебя! – перебил Александр Юрьевич. – Ты моя единственная дочь! Мое дорогое дитя! Как можешь ты позорить наше имя?

– Но, рара, я...

– Я не закончил, не перебивай! – гневно воскликнул князь. – Я столько лет жил одной тобой! Как ты могла предать мою любовь?

– Рара, позвольте мне ответить, – гордо произнесла Анастасия.

– Говори!

– Я всегда любила вас и дорожила вашим мнением, – спокойно начала княжна, – вы воспитали меня и дали мне образование. Вы ничего не жалели для меня. А я всегда стремилась угодить вам, и мне всегда хотелось, чтобы вы мной гордились. Но разве я хоть раз совершила опрометчивый поступок? Разве хоть раз я запятнала свою честь и ваше имя?

– Ты танцевала с Редсвордом! – вскричал Демидов, негодуя. – И танцевала вальс! Весь Петербург ваш танец наблюдал!

– И что с того? – спокойно поинтересовалась Анастасия. – Разве мы плохо танцевали?

– Неужто ты не знаешь правил света?!

– Они мне хорошо известны, *mon père*¹⁵, – с достоинством произнесла Анастасия.

– Тогда какого черта?! – в порыве бешенства начал Демидов и осекся. – Извини. Как ты посмела *вальс* с ним танцевать?

– Это произошло невольно, рара! – ответила княжна, отдавшись воспоминаниям о минувшем бале. – Мы разговаривали с Ричардом... с маркизом. Мы говорили о балах и о погоде, как вдруг заиграла музыка... Я и сама не знаю, как мы очутились в середине зала. Ах, не сердитесь на меня!

– Вальс – это не кадрили и не мазурка, – строго ответил Демидов. – За ним следуют серьезные последствия... в виде...

– Любви? – улыбнулась Анастасия.

Князь гневно посмотрел на дочь и сухо произнес в ответ:

– Или дуэли.

– Или брака, – заметила княжна.

– Что?! – закричал князь. – Семнадцать лет еще не исполнилось, а она уж замуж собралась!

– И что с того?

– Сама императрица думала через год пригласить тебя во дворец в качестве своей фрейлины, – возмутился Александр Юрьевич.

– Мне всегда казалось, любовь мужчины дороже любви императрицы, – заметила Анастасия.

¹⁴ Но, отец, я... (*фр.*)

¹⁵ Батюшка (*фр.*)

– Любви! – с отвращением сказал Демидов. – Она заговорила о любви! А знаешь ли ты, что такое любовь, дитя мое?

– Теперь, мне кажется, я знаю, – мечтательно улынулась княжна.

– О нет, Анастасия Александровна, ты выйдешь за Бориса, – сурово произнес Демидов.

– Никогда! – отрезала она.

– Или за любого другого знатного и богатого дворянина, – уступил Александр Юрьевич. – У меня есть деньги и есть титул. Я один из самых уважаемых дворян. Ты можешь выйти замуж по любви. Если тебе так не мил Борис – я соглашусь на брак с тем, кого ты назовешь. Но моя дочь *никогда* не станет женою Редсворда.

– Почему? – в отчаянии спросила Анастасия.

– Он недостойн тебя.

– Он красивый молодой человек. Блестяще образован, прекрасно держится в свете. Кроме того, если это важно для вас, он богат, его отец герцог Глостер...

– Именно поэтому я никогда не дам своего благословения на брак с ним, – угрюмо произнес Демидов. – Его отец ужасный человек. Он мой заклятый враг. Я не позволю тебе стать женой его отродья.

– Не смейте говорить о Ричарде...

– ...в таком тоне? – В голосе Демидова проявилась горечь.

– Каков бы ни был его отец, сын благородный, честный человек. И он один смог пленить мое сердце, – заявила Анастасия и вышла из гостиной.

– Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом?! – в отчаянии воскликнул Александр Юрьевич.

Право, что за немислимый анекдот: шестнадцатилетняя девушка знакомится с блестящим молодым человеком и, прообщавшись с ним несколько часов, навсегда влюбляется в него. И она уверена, что никогда в своей жизни не сможет полюбить кого-то столь же сильно. Нет: она уверена, что вообще больше не сможет полюбить. Она уверена, что эта любовь – та самая, которую она ждала всю свою долгую (по ее представлению) жизнь, и что любовь эта непременно должна привести к свадьбе.

О, как прекрасно чувство первой влюбленности и как блаженны те, кто женится на первой своей любви! И слава богу, что таких случаев немного! Ведь сколько мудрости дает нам опыт отношений, разрыва, страданий по любви. Как много мы узнаем, когда, оставшись наедине с собой, грызем себя в нестерпимых муках, которые причиняют нам утраченные иллюзии. И если бы мы все любили лишь единожды в жизни, свет превратился бы в бурное сборище инфантильных максималистов и глупцов всех возрастов и поколений.

Однако.

Да здравствует наивная и безудержная молодость, которая одна вселяет в наши сердца полную уверенность в том, что нет ничего невозможного, нет неприступных сердец и нет безымянных пальцев, чуждых наших колец! Когда мы молоды, когда впервые влюбляемся, мы никогда не задумываемся о том, что однажды эта влюбленность закончится и мы вновь обретем свободу. К чему молодым быть свободными: они «жить торопятся и чувствовать спешат», они без промедления отдают свои сердца любимым и постигают великое счастье, именуемое взаимной любовью.

И да снизойдет гадость на глупцов, считающих своим долгом «просветить молодежь» и напомнить, что однажды первая любовь потерпит крах! Никогда не пытайтесь обуздать влюбленных молодых – их счастье заключается в неведении, их сокровище в их наивности и неопытности. Они мнят себя королями мира, познавшими вечную любовь. Они никогда не поверят, что их любовь может погаснуть или увянуть. «Это у тех, других все вышло плохо. У них не получилось. Им не повезло. Они недостаточно сильно любили. Но я, мы, МЫ – у нас все непре-

менно выйдет как написано в романе». Так думают они, первооткрыватели вечной любви с первого взгляда, и вовсе не подозревают, что ступают на пересеченную местность.

Но «любовь навсегда» приходит лишь один раз, и потому, господа, не спешите лишать своих юных друзей иллюзий и несбыточных надежд. Ведь когда мы влюбляемся во второй, в третий, в десятый раз, мы неизменно испытываем невольное ощущение *déjà vu*: «Когда-то все это я уже видел, когда-то я это чувствовал». А раз это уже было однажды, это не единственная любовь моей жизни, это не вечное и не незыблемое.

Так зачем же спешить отнимать у людей их любовь?

Князь Александр Юрьевич Демидов прекрасно это все понимал. Он любил свою дочь больше всего на свете. И он безумно не хотел отнимать у нее эти чувства. Но как возможно позволить единственной дочери погубить себя, свою жизнь, запятнать свою честь и свою репутацию, позволив ей связать себя с человеком недостойным, низким?

В том, что молодой Ричард Редсворд таковым являлся, у князя не могло быть никакого сомнения. Об этом свидетельствовала фамилия Ричарда. Демидов слишком хорошо помнил его отца: блестящего джентльмена, гордого и благородного дворянина – лжеца, обманщика и негодяя. Сын казался таким же воспитанным, таким же гордым, таким же благородным, а стало быть, не мог не оказаться подлецом, каковым был (князь был в этом уверен) сам герцог Глостер.

И как бы ни было больно князю лишать свою дочь пламени первой страсти, он не мог не оградить ее от нависшей опасности: он должен был ее спасти.

Александр Юрьевич был в своих решениях непреклонен, а посему прежде, чем предпринять что-то, решил посоветоваться с близким человеком. Обращаться к сестре и Михаилу Васильевичу означало бы акцентировать их внимание на минувшем вальсе, идти за советом к Владимиру Дмитриевичу – который по непонятной и возмутительной прихоти оказывал протекцию сыну Редсворда, замешанному в этой ужасной истории, – тоже было несколько странно. И потому единственным человеком, которому Демидов мог поверить свои переживания, оставалась его тетушка, княгиня Марья Алексеевна.

Хорошенько все взвесив, Александр Юрьевич написал ей письмо, в котором кратко изложил суть своих волнений. Письмо это он запечатал и отдал домашнему слуге Гавриле с указанием чуть свет доставить конверт княгине на Миллионную улицу.

Наутро Анастасия встала пораньше.

Перед прогулкой она надела свое любимое платье. Посмотрев в зеркало, княжна обнаружила себя недостаточно обворожительной и надела другое платье. В нем она увидела себя полной. Третье платье показалось ей слишком мрачным, четвертое – слишком старомодным. В конечном счете Анастасия констатировала, что ей решительно нечего надеть, и пришла по этому поводу в отчаяние.

Часы пробили половину двенадцатого. Было пора выходить из дому.

Княжна стояла перед огромным зеркалом в старом своем платье, простом и строгом.

Едва ли кто-то догадается, что она собирается на свидание. В комнату вошла француженка-гувернантка. Увидев воспитанницу перед зеркалом, она изобразила на лице удивление и произнесла:

– *Mademoiselle, allez-vous a quelque part?*¹⁶

– *Oui*, – сдержанно ответила княжна, – *je vais faire une petit promenade.*¹⁷

– *Alors, allons-y.*¹⁸

¹⁶ Сударыня, вы куда-то собираетесь? (*фр.*)

¹⁷ Да, я хочу совершить небольшую прогулку (*фр.*).

¹⁸ Так пойдемте (*фр.*).

Разумеется, о том, чтобы отправиться на прогулку в одиночку, не могло быть и речи. А компания madame Lepic была куда удачнее сопровождения Бориса.

Дом Демидовых стоял в самом начале Вознесенского проспекта. Дамы вышли на улицу и неспешным шагом направились в сторону Адмиралтейства.

Ричард вышел на Английскую набережную за полчаса до полудня. Утром второго сентября погода стояла солнечная и теплая. Маркиз накинул на себя легкий плащ и даже не подумал взять с собой зонт, напрочь позабыв о давешнем замечании о сходстве лондонской погоды с петербургской.

За свою опрометчивость Ричард расплатился вполне: едва он вышел на набережную, как солнце заволокли неизвестно откуда выросшие облака. Через пять минут начался легкий дождь, который вскоре усилился. К полудню небеса опрокинули на Английскую набережную настоящий ливень, и молодой маркиз, в легком летнем плаще и без зонта, прогуливался по набережной гордой неспешной походкой, вызывая недоумение у прохожих.

Тонкая материя промокла почти насквозь, вода, стекавшая с полей цилиндра, попадала маркизу за шиворот, легкие туфли моментально промокли при первом же вступлении в лужу – словом, Ричард испытывал истинное наслаждение англичанина, ожидающего даму своего сердца.

В начале первого со стороны Сенатской площади возникли две фигуры. Одна принадлежала статной даме лет сорока с небольшим – в ней Ричард без труда разгадал гувернантку княжны Анастасии; другая – стройная фигурка грациозной молодой барышни – без сомнения, была сама княжна.

Ричард пошел им навстречу. Когда они поравнялись, Анастасия остановилась. Редсворд остановился тоже. Разумеется, никак не возможно было, чтобы молодая барышня заговорила первой, потому пронизательная madame Lepic произнесла, обращаясь к Ричарду:

– Oh, monsieur! Vous etes mouillé!¹⁹

– Il est tres trempé²⁰, – согласился Ричард.

– Alors, je sais une petit cafeteria, – улыбнулась madame Lepic. – La, au moins, a sec. Sur la Galernaya rue.²¹

Дамы окликнули проезжающего извозчика и уселись в крытую коляску, а Редсворд направился в кофейню пешком.

¹⁹ О, сударь! Вы промокли! (*фр.*)

²⁰ Сегодня очень сыро (*фр.*)

²¹ Я знаю одну небольшую кофейню... она здесь, в минуте отсюда, за углом. На Галерной улице (*фр.*)

Глава 6

Панегирик Александру Балашову

*На Москву есть много дорог, сударь. Одна из них идет через
Полтаву.*

Балашов – Наполеону

Когда Дмитрий вернулся домой, уже совсем рассвело. Уверенной походкой моряка он добрался до своей спальни и даже ничего не задел по пути, за исключением таза, который Аркадий предусмотрительно установил у кровати повесы.

Проснулся он в первом часу. С трудом раскрыв слипшиеся отяжелевшие веки, Дмитрий почувствовал себя негодяем.

– Как самочувствие, барин? – осведомился Аркадий, аккуратно готовивший утренний туалет хозяина.

– Аркадий, ты здесь, – хриплым голосом произнес Дмитрий, обрадовавшись дядьке.

– При вас, Дмитрий Григорьевич, голубчик, – ласково ответил Аркадий.

Дмитрий собирался сообщить Аркадию, что чувствует себя чрезвычайно погано, однако, открыв рот, не смог выдать из себя ни слова.

– Воды? – предложил дядька.

Дмитрий кивнул. Аркадий взял со столика поднос с загодя приготовленным стаканом воды и подал его молодому графу. Дмитрий попытался взять стакан в дрожащие свои руки, но едва не расплескал его содержимое на постель.

– Позвольте, я помогу, барин, – сказал Аркадий.

Он взял стакан и помог Дмитрию сделать несколько глотков.

О, святая чистая вода! Ни грамма спирта, ни капли алкоголя! К Дмитрию вернулся голос, и он попросил еще.

– Быть может, чаю крепкого, барин? – предложил Аркадий.

– Неси.

– Таз здесь, барин, подле кровати, – напомнил Аркадий, выходя из комнаты.

Пока он отсутствовал, Дмитрий осушил графин с водой и воспользовался тазом. Вскоре вернулся Аркадий с чаем и тарелкой каши.

– Поест надо, Дмитрий Григорьевич, – назидательно сказал он.

– Ой, не надо, Аркадий, – качал головой Дмитрий, зная, какие последствия вызовет завтрак.

– Надо, барин, – твердо повторил Аркадий.

Съев каши, Дмитрий снова нагнулся к тазу. Потом он допил чай и потребовал еще каши.

Да здравствует молодость, да здравствует беспечность!

Никогда нельзя попрекать молодых людей за бурные ночи, кутежи и пьянство, ведь молодость для этого и дана. Только в молодости мы можем с чистой совестью пить до рассвета, а поутру чувствовать себя как ни в чем не бывало.

Покончив с *une petit-déjeuner*²², Дмитрий умылся, побрился, оделся и вышел к обеду блестящим молодым человеком.

– Ах, вот и наш любитель кофе! – воскликнул Владимир Дмитриевич.

– Доброе утро, дядя, – ответил Дмитрий приветливым бодрым голосом.

– Эх, минули те дни, когда я был молодым! – улыбнулся граф Воронцов. – Ну, дружок, как ты?

²² Завтраком (*фр.*).

– Прекрасно, дядя, – сказал Дмитрий. – А где Ричард?

– О, он отправился гулять, – ответил Воронцов.

– Прекрасная погода для прогулки, – заметил Дмитрий, взглянув в окно: хлестал ливень.

Он внезапно вспомнил, как вчера проигрался в карты ротмистру Балашову, которого встретил, когда уезжал из заведения на Фонарной.

– Я, дядя, вчера был в ресторане, – солгал он, – мы там с Борисом и ротмистром Балашовым сидели.

– Так. – Граф внимательно посмотрел на племянника, ожидая, что тот попросит у него денег.

– Мы плотно поужинали, – продолжал Дмитрий, – и я... – он немного замялся, – в общем, Балашов за меня заплатил...

– А, ну не беспокойся, Дмитрий, – расплылся граф в понимающей улыбке, – и сколько он у тебя... за тебя заплатил?

– Двадцать восемь рублей, – произнес Дмитрий слегка сконфуженно. Весьма солидная сумма для обеда в ресторане.

– Не беда, сегодня же ему их вышлем, – ответил Воронцов.

– Спасибо, дядя, вы очень добры.

– Ты, я надеюсь, не стал интересоваться здоровьем его батюшки? – спросил граф.

– Ах, я забыл, Александр Дмитриевич ваш близкий друг, – произнес Дмитрий. – А что, он плох?

– Был плох весной, в мае схоронили.

– Как печально!

– Хороший человек был, – сказал Владимир Дмитриевич, – статный, благородный, честный и верный отечеству. На похороны в Покровское весь Петербург собрался: даже князь Суздальский приехал. Он-то уже совсем стар и никуда не выходит.

– Помню, ребенком вы с отцом возили меня в Покровское, – вспомнил Дмитрий, – мы тогда с Романом Александровичем и Петром Андреевичем много шалостей устраивали на природе. А что, его в Покровском положили?

– Да, он так хотел, – кивнул Воронцов, – никогда таких похорон не видел. Чтобы в деревню столько мундиров, столько орденов. Но Александр Дмитриевич, конечно, был того достоин. Ему – ему! – Мойка обязана гранитом, при нем Казанский собор был освящен. Его Александр послал к Наполеону. Я помню, он рассказывал, это тогда Бонапарт его спросил кратчайшую дорогу до Москвы.

– И что ответил Балашов? – поинтересовался Дмитрий, который прекрасно знал эту историю, но любил слушать ее в дядином исполнении.

– «Есть много дорог, государь, – сказал он. – Одна из них ведет через Полтаву», – процитировал Владимир Дмитриевич. – А как он настоял на избрании Кутузова главнокомандующим! А как сражался на Бородинском поле!

– А не он ли был одним из судей, приговоривших участников восстания к острогу? – резко спросил Дмитрий.

– Он был одним из судей, благодаря которым они получили самый мягкий приговор, – твердо ответил Воронцов. – Он был мой друг, и я скорблю о его смерти. Все меньше и меньше остается нас, чьи портреты населяют галерею двенадцатого года²³. С каждым годом уходит в бездну «могучее, лихое племя». Уж двадцать пять лет прошло, мы состарились с годами. Настанет миг, и все мы канем в Лету.

²³ В Военной галерее 1812 года нет портрета Владимира Дмитриевича Воронцова, однако там есть портрет Михаила Семеновича Воронцова. Всем читателям этого произведения я советую немедленно отправиться в Зимний дворец и узнать в этом портрете моего героя, в пору молодости. (Примеч. авт.)

- Ну что вы, дядя, – отозвался Дмитрий, – вам еще жить много-много лет!
- Тут днями ко мне написал мой старый друг Денис Васильевич – ты его, конечно, помнишь – он в детстве был твоим кумиром.
- Конечно же! – воскликнул Дмитрий. – Настоящий гусар! Я всегда хотел быть на него похожим. И что он?
- Он прислал мне свое стихотворение, написанное двадцать лет назад:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?²⁴

- Это одно из моих любимых его стихотворений, – заметил Дмитрий.
- Владимир Дмитриевич продолжал:

А теперь, что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках
Вальсируют на паркете!

- Вы слишком строги к нашему поколению.
- Но ведь и правда, – грустно произнес Владимир Дмитриевич, – вы поколение беззаботное, шальное, иное дело – наш безумный век, где долгом и отвагой человек спасал от гибели Отечество родное.
- О, дядя, да и вы поэт! – воскликнул Дмитрий.
- И правда, на старости лет стихами заговорил, – засмеялся Воронцов. – Какие планы на сегодня у тебя?
- Я думал быть с визитом к Ланевским, – лукаво улыбнулся Дмитрий.
- Повеса! – ласково сказал граф. – Неужто снова загорелся страстью к Софье?
- Я, право, не спешил бы говорить, – оправдывался Дмитрий, – а впрочем, к чему скрывать от вас? О да! Она обворожительна, не правда ль?
- Ты прав, дружок, *Sophie est véritable ange*²⁵, – сказал Владимир Дмитриевич, – но берегись: пока ты был в отъезде, к ней стал бывать Константин Болдинский. Как я заметить мог, его намерения серьезны.
- Не более серьезны, чем мои.
- Ах вот как? Так ты решил жениться?
- Я подумал... – Дмитрий замялся.
- Не рановато ли – без малого в двадцать один год?
- Поймите, дядя: я, кажется, влюблен!
- Влюбленность – вещь благая, но запомни: последствия плохие могут быть, – назидательно произнес Владимир Дмитриевич. – Ведь если ты не женишься на Софье...
- Женюсь на ней, коль это будет должно! – воскликнул Дмитрий. – А Костя – он мой друг, он все поймет.
- Друзья – прекрасно, но это – дело чести. А честь не знает ни дружбы, ни любви, – сказал граф. – Ступай, дружок. Мой привет Ланевским. Нет, подожди. Вот сто рублей – чтоб в следующий раз не встал из-за стола ты должником.

²⁴ Строки стихотворения Дениса Давыдова «Песня старого гусара».

²⁵ Софья – сущий ангел (*фр.*).

Дмитрий поблагодарил дядю, заглянул в кабинет, где написал письмо Роману Балашову, после чего отправился к Ланевским.

Глава 7

Друзья за чашею, соперники в любви

*Отныне вас врагом своим считаю,
Свою перчатку вам в лицо бросаю.
И в ужасе передо мною трепещите,
Коль жизнью хоть немного дорожите.*

От автора

Ланевские жили на Мойке, в двух шагах от дома Воронцова, и Дмитрий решил предпринять короткую прогулку.

В дверях его встретил дворецкий Порфирий и проводил в гостиную. Там были княгиня Анна Юрьевна, Мария, Софья и – Константин Болдинский. Они о чем-то оживленно беседовали.

– Граф Дмитрий Григорьевич Воронцов! – объявил Порфирий, после чего Дмитрий сразу вошел.

Дамы учтиво его приветствовали, Болдинский сдержанно поклонился. До того как граф вошел, он о чем-то увлеченно рассказывал хозяйевам, но теперь потерял мысль, сбился и сидел молча. Дмитрий выразил свое восхищение давешним балом и заметил, что его виновница была необычайно хороша.

– Что, впрочем, естественно, – добавил он, – ведь вы, Софья Михайловна, всегда были прекрасны. И теперь, вернувшись из Парижа, я сожалею лишь о том, что столько времени провел в разлуке с вами.

– Благодарю вас, Дмитрий Григорьевич, – произнесла Софья, раскрыв веер и теперь усердно им дирижируя.

– О, Дмитрий, ты много потерял, – веско заметил Болдинский.

– Теперь я это вижу, – грустно ответил Воронцов. – Но может быть, сумею наверстать? – добавил он, устремив взгляд на Софью.

Та еще продолжала размахивать веером и не смотрела ни на него, ни на Константина. Устремив глаза dolu, она о чем-то усиленно думала, что-то переживала, улыбаясь прелестной улыбкою, и хранила молчание.

– Разумеется, мы рады видеть вас, Дмитрий Григорьевич, – сказала Анна Юрьевна и тут же поправилась: – Тем более что Константин Васильевич так увлекательно рассказывал нам о поэзии. Вы знали, что он талантливый поэт?

– Поэт? – Воронцов удивленно взглянул на Болдинского. – Друг мой, ты укрывал талант от всех нас столько лет?

– Нет, право, здесь таланту никакого, – отвечал Константин, слегка смущенный, – тем более что стихи я начал писать тому полгода как.

– Но, Константин, теперь тебе не скрыться, – бравировал Дмитрий, – так прочитай же нам свое творенье.

– Ну что ж, прочту, – сказал Болдинский, гордо выпрямившись:

Я никогда не думал быть поэтом,
И никогда я не стремился наугад
Произносить слова об том, об этом,
Рифмуя строки шатко, невпопад.
Но я мечтал о том, чтоб вы узнали
О моей страсти, о моей любви,

Об том, чтоб вы предугадали,
О чем я давеча поклялся на крови.

- Неплохо, – жеманно определил Воронцов, – есть посвящение?
- Я, честно говоря... – Константин смутился и покраснел, перевел взгляд на Софью и сконфузился окончательно.
- Кому бы ни были посвящены эти строки, – дипломатично приняла участие в обсуждении Анна Юрьевна, – я уверена, что эта особа будет чрезвычайно польщена таким посланием.
- Только в том случае, если эта пылкая страсть взаимна, – безжалостно заметил Дмитрий. – Как вы думаете, Мария Михайловна?
- О, я, право, не знаю, – смутилась Мария, – пожалуй, каковы бы ни были эти чувства, ей, вероятно, было бы лестно то обстоятельство, что ей посвящают стихи.
- О, Мария Михайловна, в таком случае позвольте и мне посвятить вам стихотворение! – воскликнул Дмитрий. – У меня как раз родился один экспромт:

Мария, вы – земная суть,
Обворожительны и хороши собою.
И я мечтаю, что когда-нибудь
Вас назову своей сестрою.

Воронцов достиг желанного эффекта: Мария покраснела, Константин помрачнел, а Софья перестала обмахивать себя веером и пораженно посмотрела на новоявленного поэта. И лишь Анна Юрьевна сохранила прежнюю спокойную улыбку и произнесла:

- Дмитрий Григорьевич, а ведь и вы, оказывается, тайный поэт! Я уверена, что мои дочери с детства относились к вам как к брату и принимали вас в семье как близкого родственника.
- Поэзия, Анна Юрьевна, – удел всякого молодого повесы, – заявил Константин, – а потому нет ничего удивительного в том, что юноша двадцати лет или немного более сочиняет стихи.
- А мне всегда казалось удивительным, что молодые люди становятся поэтами, – возразила княгиня Ланевская.
- Они становятся ими, когда влюбляются, – сказал Дмитрий.
- А вы согласны с этим, Константин Васильевич? – произнесла Софья, с интересом посмотрев на Болдинского.
- О, бесспорная истина, – ответил тот.
- Так, стало быть, вы влюблены, – заключила Софья.
- Пожалуй, так, – согласился Константин, слегка смущенный.
- И вы, Дмитрий Григорьевич? – спросила Софья.
- До безумия, – бойко ответил Воронцов, ослепительно улыбаясь.
- Но вы конечно же не скажете о ней? – едко сказала Софья.
- Не вижу причин делать из этого тайну, – беззаботно ответил Дмитрий.
- Вы уже объяснились с нею? – поинтересовалась Софья.
- Готов сделать это немедленно! – воскликнул молодой граф, вставая с места.
- В таком случае вам следует сперва ее найти, – строго сказала княжна, вставая в ответ. – Прошу меня извинить, я вынуждена вас оставить.
- И она легкой походкой вышла из гостиной. Мария сделала гостям реверанс и последовала за ней.
- Ах, господа, быть может, чаю? – предложила Анна Юрьевна.

– Прошу не гневаться, сударыня, я обещал увидаться с братом, – ответил Константин, – очень рад был сегодня видеть вас.

– И мы всегда вам рады, Константин Васильевич, – улыбнулась княгиня, – вы желанный гость в нашем доме.

– Покорнейше благодарю, – поклонился Болдинский, – имею честь.

И вышел. В комнате остались только Дмитрий и Анна Юрьевна.

– Как много изменилось в Петербурге, – заметил Воронцов.

– Вы правы, Дмитрий Григорьевич, – согласилась княгиня, – пока вас не было, здесь все переменилось.

– И как преобразилась ваша дочь, – сказал Дмитрий.

– Софья повзрослела, это правда, – кивнула Анна Юрьевна.

– Я хотел с вами обсудить...

– Надеюсь, не любовные дела, – улыбнулась княгиня.

– Нет-нет, – уверил ее Дмитрий, хоть именно об них и собирался говорить.

И они провели час, беседа об общих знакомых, о городских сплетнях, о балах – словом, обо всяких глупостях; и за время их разговора ни слова более не сказано было о княжне.

Глава 8

Меж двух сердец пылающих третье разрывалось

Всегда с любовью жизнь в противоречье.
Уильям Шекспир

Софья быстрыми шагами направилась в свою спальню, и, оказавшись там одна, она опустилась на кровать, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Как, как могла она оставить, забыть свою любовь к Дмитрию? Как он обворожителен, умен! Как храбр и отважен! О почему, почему она придавала какое-то значение словам и разговорам? Как могла она подумать, что Дмитрий, Митя, за которого она всегда мечтала выйти, забыл ее в Париже, разлюбил?

Дура! Как она могла?

Вот он вернулся, страстный и влюбленный. Такой же, как и раньше. Нет! – в сто раз лучше. И он по-прежнему в нее влюблен: сомнений быть не может.

А Константин? Ведь и он в нее влюблен, это видно.

Он красивый молодой человек. Воспитан, обходителен, умен. Застенчив, робок, но прекрасный человек. Он мог бы всю жизнь свою любить ее одну, и ей одной всю жизнь он был бы верен. Но ведь она же, Софья, она его не любит! Она всегда любила одного Дмитрия.

Ах, зачем, зачем Дмитрий тогда уехал? И почему же, почему он не писал? Ну почему он хоть раз в неделю, раз в две недели не мог напомнить о себе? Быть может, он ее не вспоминал? Нет, это невозможно! Как он теперь смотрит на нее, как он глядит, как говорит о ней!

Но Константин, как был он обходителен, какое ей внимание уделял. Как часто к ней с визитом приезжал. Как постоянно он на танцы приглашал. Все слишком далеко зашло. Перед балом в день рождения он пригласил ее на вальс. Она ведь ожидала предложения. Она хотела, чтобы он просил ее руки! И она уж готова была себя ему отдать! Но вот вернулся Дмитрий, и она не решилась танцевать с ним вальс. Она хотела быть женою Константина, ведь за полгода он почти ее пленил. Неужели она его полюбила?

Вошла Мария.

– Сонечка, родная, о чем же ты так горько плачешь?

– О любви! – рыдала Софья.

– Ты его любишь?

– Его – люблю! Которого – не знаю! – в отчаянии ответила Софья.

– Ну перестань же плакать, Соня, давай поговорим, – ласково произнесла Мария.

– Нет, не с тобой я должна поговорить, – сказала Софья, резко вставая с кровати и утирая слезы. – Помоги мне переодеться.

– Куда ты собралась?

– Мне нужно в церковь. Срочно! – воскликнула Софья.

– К отцу Кириллу? – поинтересовалась Мария, вспомнив о духовнике семейства Ланевских.

– На исповедь! Скорее! – возбужденно говорила Софья. – Пойдем со мной, ты нужна мне, дорогая.

Она снова заплакала и бросилась в объятия сестры.

Отец Кирилл был человеком скромным. Когда-то в молодости приняв монашеский обет, он молился Богу в глухом монастыре. Но как-то в монастырь заехал князь Ланевский. Случилось это с двадцать лет тому назад, быть может, года двадцать два. Ланевский был раздавлен, болен и едва держался. Он месяц с небольшим провел среди монахов и подружился там

с Кириллом, которому поведал все свои секреты. Общение с ним стало для князя спасением. Он вскоре выздоровел и вернулся в Петербург, где выхлопотал для отца Кирилла приход – тот там с тех пор служил обедню и исповедовал дворянский высший свет.

К нему-то и направились в тот день княжны Ланевские.

Мария, старшая, первой исповедалась в грехах и получила отпущение.

Затем настал черед Софьи. О своих переживаниях она поведала отцу Кириллу. Тот выслушал все молча, не перебивая, до самого конца.

– Так что же ты, дочь моя, обоих любишь сразу?

– Я знаю, это грех, батюшка, – говорила Софья, – но я хотела выйти замуж за Константина. Я была им увлечена. Но теперь вернулся Дмитрий, и я...

– Почувствовала, что его ты любишь больше? – проницательно закончил священник.

– Я... я не знаю, – отвечала Софья, – я, кажется, его люблю. Но я же ведь дала надежду Константину. Любила Дмитрия, но принимала ухаживания Кости. И он поверил в то, что я его люблю. И я, видимо, и правда научилась его любить. Но когда вернулся Дмитрий... Ах! Костя не переживет, если я его отвергну.

– Зачем же ты принимала ухаживания человека, которого не любишь? – спросил отец Кирилл.

– Потому что Дмитрий мне не писал. Долго. Помните, я вам рассказывала?

Отец Кирилл помнил. Он был более всех осведомлен о Софьиных душевных переживаниях, ее страстях, ее метаниях. Ведь ни Марии, ни Анастасии, ни Елизавете – своим подругам – Софья не могла поведать всего, что чувствует, что думает. Она не могла открыть им все свои мечты, ведь некоторые из них были глупы, иные безрассудны, и только Божьему (как она думала) человеку княжна могла до конца открыть свое сердце.

– Ты сделала свой выбор. Ты долго думала перед этим, – сказал отец Кирилл. – Ты жила надеждой о возвращении графа в Петербург. Но он не приезжал. Он не писал. И детская влюбленность позабылась. Ты приняла в свое сердце новую любовь. Но и она не оказалась незыблемой. Ты, дочь моя, еще молода, и тебе многое предстоит испытать, много выпадет на твою долю радостей, но и много печали.

Теперь тебе предстоит новый выбор, – продолжал он, – ты можешь выйти замуж по любви, за графа Воронцова. Но Константин Васильевич, быть может, не переживет этого, ведь ты разобьешь ему сердце. Если же ты пожалеешь Константина, ты предашь любовь. И счастлива ли будешь ты в этом браке? Он принесет тебе лишь горе, а твоему мужу страдания – ведь он увидит, что ты любишь другого. Константин Васильевич благородный человек. Пока ты не приняла его предложение, пока не поздно, отступись. Освободи себя и его. Он смирится, простит тебя и уступит: он не пойдет против твоей любви.

Софья пронзительно посмотрела на отца Кирилла и поцеловала ему руку.

– Грехи твои я тебе отпускаю, – говорил священник. – Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!

Прежде чем Софья ушла, она положила перед отцом Кириллом кошелек с серебряными монетами.

– Это на богоугодные дела, – произнесла она.

Софья и Мария вышли из церкви.

Оставшись один, отец Кирилл взвесил кошелек в руке. «Тут эдак рублей тридцать будет», – подумал он и улыбнулся, предвосхищая богоугодные дела.

Глава 9

В библиотеке княжеского дома

Говорить лучше обдуманно, чем быстро.
Томас Мор

В пять часов пополудни Ричард вернулся в дом Владимира Дмитриевича. Переодевшись, он вышел в гостиную, где его встретил старый граф.

– О, Ричард, друг мой, как прогулка? – поинтересовался Воронцов.

– Благодарю вас, граф, прогулка славно, – улыбнулся Ричард, – погода здесь мне по душе. Дожди, туманы, сырость – все в английском стиле.

– Вы уже успели обзавестись новыми знакомыми в столице? – хитро посмотрел на Редсворда Воронцов.

Тот покраснел до ушей. Неужто так заметно, что он воротился с амурного свидания? Однако граф, который – вполне возможно – и не имел ничего в виду, поспешил рассеять смущение своего гостя и продолжил:

– Пока вы странствовали под небом Петербурга, из дома Суздальских пришел гонец с письмом. Аркадий, дай маркизу Редсворду пакет.

Слуга протянул Ричарду конверт с гербовой печатью дома Суздальских. Ричард тут же конверт распечатал и прочел:

«My dear Richard,
I hope thee remember we wait thee at six o'clock.
Pr. P.A. Suzdalskiy».²⁶

– Это письмо от Петра Андреевича, – пояснил Ричард, посмотрев на Воронцова, – князь хочет встретиться со мной. Сегодня в шесть.

– О, ну так вам пора, маркиз! – сказал Воронцов, взглянув на часы: те показывали половину шестого.

– Смею откланяться.

– До вечера, мой друг! – весело произнес граф и, когда Ричард вышел, предался грустным размышлениям.

Весь день Герман Шульц раздумывал о приглашении Петра Андреевича на ужин. Хотел ли он этого? Безумно! Больше всего на свете Герман мечтал попасть в высший свет, только этим он жил, только об этом мечтал. За возможность попасть на бал в доме Ланевских или Демидовых он готов был умереть... Герман задумался. А если бы за один вечер в высшем обществе он должен был отдать свою жизнь? Да! Он сделал бы это.

Но Герман не забывал о своем происхождении. Незаконный сын коллежского асессора, обрусевшего немца, и старой еврейки, он не имел никаких прав претендовать на какую-то значимость. Все сослуживцы Германа смотрели на него свысока, и только молодой беспечный князь Суздальский принимал его за равного себе, отбросив все условности и предрассудки.

Петр Андреевич был Герману не просто другом, он был его покровителем и благодетелем. Несмотря на все чудачества молодого князя, с ним считались. Во-первых, он происходил из древнего боярского рода. Во-вторых, отец его был в прошлом видным вельможей, ссориться с которым побаивались. В-третьих, хоть Петр Андреевич и не имел иных доходов, помимо

²⁶ Дорогой Ричард, я надеюсь, вы помните, что мы ждем вас сегодня к шести. Кн. П.А. Суздальский (англ.).

жалованья, однако все понимали, что старый князь, о богатстве которого ходили легенды, рано или поздно преставится, а иных наследников не имеет.

Герман понимал, что дружба с Суздальским принесет ему немалые блага, а может стать, и поможет проникнуть в свет. Этой мысли Герман стыдился. Он не переставал думать, за что любит Петра Андреевича: за то, что он благодетельствовал его и приблизил к себе, или за то, что общение с ним ему выгодно? И не находил ответа.

Несмотря на все свои амбиции, на все свои устремления, Герман оставался человеком чести, а потому чурался близости с кем-то ради наживы. Но общество Петра Андреевича было ему приятно. Или он сам убедил себя в этом?

Приглашение на ужин в дом на Конногвардейском бульваре было для Германа подарком судьбы. Он желал этого, но и боялся. А вдруг Петра Андреевича нет дома? Вдруг он забыл о своем приглашении? Вдруг дворецкий с позором выставит его за дверь, а то и, чего доброго, с лестницы спустит? А вдруг старый князь решил повременить с отъездом? Ведь у Петра Андреевича даже не было домашнего адреса Германа, чтобы предупредить (Герман стеснялся признаться, что живет в самом конце Садовой).

Примерно такие мысли занимали губернского секретаря, когда он ехал в нанятой на последние деньги коляске, чтобы не промокнуть под проливным дождем.

Без четверти шесть Герман Шульц постучал в дверь особняка Суздальских. Ему открыл мрачный дворецкий, вышедший из Екатерининской эпохи. Он смерил молодого человека оценивающим взглядом и высокомерно осведомился:

– Чего надо?

– Я пришел в гости по приглашению князя Петра Андреевича, – ответил Герман сконфуженно. Он, хоть и привык к презрительному отношению, слегка опешил перед неприкрытой грубостью дворецкого.

– По приглашению? – недоверчиво спросил дворецкий. – Кто таков?

– Губернский секретарь Герман Модестович Шульц, – отрекомендовался молодой человек.

– Ну пойдем, губернский секретарь, – сказал напыщенный дворецкий и препроводил Германа в приемную.

Там дежурил молодцеватый лакей, который с удивлением воззрился на гостя.

– Лука, – сказал ему дворецкий, – тут вот к его сиятельству Петру Андреевичу пожаловал... губернский секретарь, – он презрительно махнул в сторону Германа, – с ним посиди, пока я доложу.

Самодовольный дворецкий удалился, оставив Шульца в обществе недружелюбно настроенного лакея. Герман огляделся. Он сидел на бархатном диване в богато обставленной комнате с многочисленными бронзовыми канделябрами, изображавшими греческих воинов. А свечи, горевшие в этой передней, – Герман никогда не видел таких дорогих свечей: никакого потрескивания, никакого запаха. На стене висело полотно известного голландского художника, на котором изображен был Гектор, собирающийся на битву с Ахиллом. Теперь, только теперь Герман увидел, что такое княжеский особняк изнутри.

Прошло минуты три, дворецкий вернулся.

– Пожалуйте, ваше благородие, – учтиво произнес он и вежливо препроводил Германа в кабинет Петра Андреевича.

– Дружище! – воскликнул князь, когда Шульц вошел. – Рад тебя видеть, проходи!

Герман прошел. Он был в просторной комнате, обставленной старинной мебелью. Присмотревшись повнимательнее, Герман разглядел в ней мебель старую, давно вышедшую из моды и отслужившую свой век, но тем не менее сделанную на славу и еще вполне пригодную для использования. На стене висело выцветшее полотно, с которого строго взирал седой Бог, окруженный великими былых эпох и поколений. На противоположной стене висела картина –

авторская копия полотна «Охота на медведей». Стол был дубовый, монументальный, ему было лет сто по крайней мере. Перед ним – два кресла, обтянутые кожей, друг против друга. А за столом стоял невероятного размера гигантский стул с высокой спинкой.

Петр Андреевич сел в одно из кресел и сделал жест рукой, предлагая Герману сесть против. Когда тот опустился в кресло, князь сказал:

– Прости меня, я не мог тебе написать.

– Что-то случилось? – взволнованно спросил Герман.

– Да, случилось, – ответил князь. – Отец сегодня велел пригласить в гости человека. Он... это приватный разговор.

– Так, значит, лучше мне уехать.

– Герман, дружище, прости, но я...

– Не надо, – сказал Герман, – я понимаю: у господ свои дела.

Сказав это, Шульц поклонился и направился к выходу.

– Герман, ты все неправильно понял! – крикнул князь ему вслед. – Герман, постой!

Но Герман уже закрыл дверь с обратной стороны. Напольные часы с выцветшим циферблатом пробили шесть раз. «Уже шесть, сейчас пожалует лорд Редсворд, – подумал Петр Андреевич, – бьюсь об заклад, он будет в срок».

Князь вышел из кабинета и направился в сторону библиотеки, где в массивном дорогом кресле уже успел расположиться его отец. Одновременно с ним в «храм знаний» пожаловал дворецкий Валентин.

– Ваше сиятельство, к вам джентльмен с визитом, – доложил он и подал Андрею Петровичу серебряный поднос, на котором лежала визитная карточка Ричарда.

– Проси, – ответил князь, взмахнув рукою.

* * *

Ричард сидел в приемной и пытался предугадать, что такого секретного хочет сказать ему старый князь Суздальский. В голове его гнездились догадки и подозрения, одна безумная мысль сменялась другой, уже совсем неприличной, и все же он был далек от хоть какого-то понимания вопроса: зачем все эти тайны?

Войдя за дворецким в комнату, он очутился в просторной библиотеке, исполненной в лучших английских традициях. Стеллажи с книгами были до того высоки, что занимали два этажа. На одном стеллаже Ричард увидел знакомые имена: Аристотель, Гомер, Платон, Аристофан, Эсхил, Сократ, Архилох – труды еще многих других великих греков присутствовали здесь. Соседний стеллаж был полон латыни: Вергилий, Цицерон, Гай Юлий Цезарь, Апулей – и прочие столь ненавистные Ричарду римляне надменно золотились корешками. Библиотека была полна классической литературы, но присутствовали здесь и современные авторы: Уолтер Скотт, Оноре Бальзак и Гоголь. У окна стоял письменный стол, а в центре комнаты находилось несколько кресел. В одном из этих кресел сидел набивавший трубку Петр Андреевич, а другое было занято старым князем.

Это был человек несгибаемый – об этом можно было судить хотя бы по тому, что восьмидесятилетний возраст не смог хоть немного ссутулить Суздальского. Изборожденное морщинами неподвижное лицо и острый взгляд выцветших волчьих глаз, искрящихся безудержной силой, придавали старому князю вид несокрушимого колосса, каковым он, судя по царственной манере держаться, не только считал себя, но и являлся. Увидев Ричарда, он отложил в сторону «Северную пчелу», ласково улыбнулся и по-отечески произнес:

– Садись, сынок, давай поговорим.

Ричард сел. Князь продолжал:

– Как повзрослел, как возмужал, уж точная копия отца.

– Я помню, князь, вы приезжали к нам, – сказал Ричард, и сказал это не столько с тем, чтобы показать князю, что помнит и признает его, сколько с тем, чтобы сказать уж что-нибудь. Кроме Дмитрия, близкого друга маркиза, никто в Петербурге не говорил ему «ты». Но царственность, степенность разговора, бескрайняя, безудержная мощь, из которой весь был соткан хозяин дома, казалось, давали ему право говорить на ты с самим Господом Богом.

– Ты помнишь: это славно, – отвечал Андрей Петрович. – А сколько же тебе тогда лет было? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Где-то так, – согласился маркиз, – во время вашего последнего визита.

– Как быстро пролетело это время... – задумчиво протянул Андрей Петрович, – теперь ты стал совсем как Уолтер, когда он был моложе. А твой отец – мой очень близкий друг. Я никогда не забуду, как он впервые явился в Зимний дворец на аудиенцию к императору. Александр встал и горячо пожал ему руку, а Уолтер сразу же сел в кресло, приглашая царя последовать его примеру. Да, твой отец – великий человек.

– Разве великие люди способны на предательство? – осведомился Ричард, поминая письмо, полученное от отца.

– Предательство? О нет, сынок, никогда, – серьезно говорил Андрей Петрович, – но всякий человек способен сделать глупость. И всякому случается оступиться. Мы все не идеальны, железных сердец не существует. Порою и сильнейшие из нас проявят слабость.

– И даже вы? – удивился Ричард.

– Конечно, даже я, – ласково ответил Суздальский. – Главное, никогда не жалеть о совершенных промахах, ошибках. Никогда не терзать себя за проявленную мягкость характера, нетвердость духа... Твой отец никогда не сожалел.

– О чем не сожалел? – спросил Ричард. – Скажите мне, прошу вас, что он сделал? Я получил письмо. Он пишет, что предал графа Воронцова, что в Петербурге ему все, кроме вас, враги...

– Увы, он прав, мой мальчик, это так, – сказал Суздальский.

– Но почему? – не унимался Ричард.

– Случилось так: однажды он не смог преодолеть запретные желания. Они его поработили, завлекли в свой коварный омут, сделав своим рабом. Твой отец порвал связывающие его цепи и уже почти вырвался, когда искушение совсем близко подошло к нему... и он не устоял, его сразило наповал, он, словно детский кораблик из картона, попал в океанский шторм, из которого нет спасения даже фрегату.

– Но что он сделал? – настаивал Ричард.

– Я не могу сказать тебе этого, мальчик мой, – произнес старый князь. – Твой отец просил до поры сохранить эту тайну. На мой взгляд, это не выход, ведь рано или поздно ты должен будешь узнать всю правду. Однако я не буду судить Уолтера – это его тайна, и он ею распорядился по собственному усмотрению.

Тем не менее, – продолжал Суздальский, – я считаю полнейшим безумием оставить тебя в неведении. Потому скажу так: твой отец против воли был вовлечен в одну скандальную интригу. Когда Уолтер понял, что ему не выпутаться из нее, он подал прошение об отставке. Король прошение принял, и твой отец уже собирался вернуться в Англию, когда... в общем, он снова, пуще прежнего пустился в интриги, поступив чертовски неосмотрительно. Потом он уехал. Прошло три месяца, и лишь тогда Петербург облетела весть об интригах герцога Глостера. Но это был просто слух, сплетня. И только два человека знали правду: я да покойный Александр Дмитриевич Балашов. Но мы хранили молчание. Мы никому ничего не сказали. Шло время, и мы с Александром уж было думали, что история эта предана забвению. Но теперь, когда Редсворд вновь приехал в Россию, старая память о вашей фамилии забродит в умах старшего поколения. И потому я советую тебе, мой мальчик: уедем со мной на некоторое время.

– Зачем? – вспыхнул маркиз. – Бежать? Прятаться? Скитаться?

– Сынок, я князь Суздальский, и я никогда не призываю к бегству. – Сказано это было тихим и ровным голосом, но Ричард почувствовал, как все внутри у него похолодело. Страх, животный страх вызвало в нем, маркизе Редсворде, недовольство старого князя. Андрей Петрович продолжал: – Я предлагаю выждать, пока свет не придет к какому-то решению.

– К какому же решению придет свет? – говорил Ричард. – Принять меня в свой круг или предать презрению? Я маркиз Редсворд. Я не стану прятаться от света.

– Узнаю отцовскую гордость, – с улыбкой произнес Андрей Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.